

Альрауне

Автор:

Ганс Гейнц Эверс

Альрауне

Ганс Гейнц Эверс

Классика приключенческого романа

Ганс Гейнц Эверс (1871–1943) – немецкий писатель, драматург, сатирик. Его произведениям, которые еще в начале XX века причислялись к выдающимся достижениям художественной литературы, присущи гротеск, таинственность и фантастика. Критики называли его немецким Эдгаром По.

Представленный в этом томе роман «Альрауне», написанный Эверсом в 1911 г., по отзывам печати своего времени, – самое глубокое его произведение.

«Странное смешение сверхчувственной мистики и яркого реализма – все, что накладывает на произведения Эверса свой особый отпечаток, обнаруживается в «Альрауне» с виртуозной законченностью... Помимо своего художественного значения книга эта на редкость увлекательна» – так писали тогда о нем немецкие газеты.

Ганс Эверс

Альрауне

История одного живого существа

Prelude

Не станешь же ты отрицать, дорогая подруга моя, что есть существа – не люди, не звери, а странные какие-то существа, которые родились из несчастных, сладострастных, причудливых мыслей?

Добро существует – ты знаешь это, дорогая подруга моя, – добро законов, добро всяких правил и всех строгих норм, добро великого Господа, который создал все эти нормы, эти правила и законы. И добро человека, который чтит их, идет своим путем в смирении и терпении и верно следует велениям своего доброго Господа.

Другое же – князь, ненавидящий добро. Он разрушает законы и нормы. Он создает – заметь это – вопреки природе.

Он зол, он скверен. И зол человек, который поступает так же, как он. Он дитя Сатаны.

Скверно, очень скверно нарушать вечные законы и дерзкими руками вырывать их из железных рельс бытия.

Злой может делать это: ему помогает Сатана, могущественный властелин. Он может творить по своим собственным горделивым желанием и воле. Может делать вещи, которые разрушают все правила, переворачивают всю природу вверх ногами. Но пусть он остерегается, все только ложь и обман, что бы он ни творил. Он подымается, взрастает – но в конце концов падает в своем падении высокомерного глупца, который его придумал.

* * *

Его превосходительство Якоб тен Бринкен, доктор медицины, ординарный профессор и действительный тайный советник создал эту странную девушку, создал ее вопреки всей природе. Создал ее один, хотя мысль о создании ее и

принадлежала другому. Это существо, которое затем окрестили и назвали Альрауне, выросло и жило, как человек. До чего она ни касалась, все превращалось в золото; куда она ни смотрела, всюду возгорались дикие чувства. Но куда ни проникало ее ядовитое дыхание, всюду вспыхивал грех, и из земли, на которую ступали ее легкие ножки, вырастали бледные цветы смерти. Одного она не убила. Это был тот, который придумал ее: Франк Браун, шедший всю жизнь подле жизни.

* * *

Не для тебя, белокурая сестренка моя, написал я эту книгу. Твои глаза голубые, они добрые, они не знают греха. Твои дни точно тяжелые гроздьи синих глициний, они падают на мягкий ковер: легкими шагами скольжу я по мягкой скатерти, по залитым солнцем аллеям твоих безмятежных дней. Не для тебя написал я эту книгу, мое белокурое дитя, нежная сестренка моих тихих мечтательных дней... Я написал ее для тебя, для тебя, дикая, греховная сестра моих пламенных ночей. Когда падают тени, когда жестокое море поглощает золотистое солнце, тогда по волнам пробегает быстрый ядовито-зеленый луч. Это первый быстрый хохот греха над смертельной боязнью трепетного дня. Грех простирается над тихой водой, вздымается вверх, кичится яркими желтыми, красными и темно-фиолетовыми красками. Он дышит тяжело всю глубокую ночь, извергает свое зачумленное дыхание далеко во все стороны света.

И ты чувствуешь, наверное, горячее дыхание его. Твои глаза расширяются, твоя юная грудь вздымается дерзко. Ноздри твои вздрагивают, горячечно-влажные руки простираются куда-то в пространство. Падают мещанские маски светлых, ясных дней, и из черной ночи зарождается злая змея. И тогда, сестра, твоя дикая душа выходит наружу, радостная всяким стыдом, полная всякого яда. И из мучений крови, из поцелуев и сладострастия ликующе хохочет она, кричит, и крики прорезывают и небо и ад... Сестра греха моего, для тебя я написал эту книгу.

Глава I,

которая рассказывает, каков был дом, в котором появилась мысль об Альрауне

Белый дом, в котором появилась Альрауне тен Бринкен задолго до рождения и даже до зачатия своего, дом этот был расположен на Рейне. Немного поодаль от города, на большой улице вилл, которая ведет от старинного епископского дворца, где находится сейчас университет. Там стоял этот дом, и жил в нем тогда советник юстиции Себастьян Гонтрам.

На улицу выходил большой запущенный сад, не выдавший никогда садовника. По нему проходили в дом, с которого сваливалась штукатурка, искали звонка, но не находили. Звали, кричали, но никто не выходил навстречу. Наконец толкали дверь и входили внутрь, шли по грязной, давно немытой деревянной лестнице. А из темноты прыгали какие-то огромные кошки.

Или же большой сад был полон маленькими существами. То были дети Гонтрама: Фрида, Филипп, Паульхен, Эмильхен, Иозефхен и Вельфхен. Они были повсюду, сидели на сучьях деревьев, ползали в глубокие ямы. Кроме них три собаки: два дерзких шпица и один фокс. И еще крохотный пинчер адвоката Манассе, маленький, похожий на квитовую колбасу, круглый, как шарик, не больше руки. Звали его Циклопом.

Все шумели, кричали. Вельфхен, едва год от роду, лежал в детской коляске и ревел, громко, упрямо, целыми часами. И только Циклоп мог осилить его: он выл хрипло, не переставая, не двигаясь с места.

Дети Гонтрама бегали по саду до позднего вечера. Фрида, старшая, должна была наблюдать за другими, смотреть, чтобы братья ее не шалили. Но она думала: они очень послушны. И сидела поодаль в развалившейся беседке со своей подругой, маленькой княжной Волконской. Обе болтали друг с другом, спорили, говорили о том, что им скоро будет четырнадцать лет и что они могут уже выйти замуж. Или, по крайней мере, найти себе любовников. Но обе были очень благочестивы и решали немного еще подождать, хоть две недели, до конфирмации.

Им дадут тогда длинные платья. Они будут взрослые. Тогда уже можно найти и любовников.

Это решение казалось им очень добродетельным. И они думали, что можно было бы пойти сейчас в церковь. Нужно быть серьезными и разумными в эти последние дни.

– Там, наверное, сейчас Шмиц! – сказала Фрида Гонтрам.

Но маленькая княжна сморщила носик:

– Ах, этот Шмиц!

Фрида взяла ее под руку.

– И баварцы в синих шапочках!

Ольга Волконская рассмеялась.

– Баварцы? Знаешь, Фрида, настоящие студенты вообще ведь не ходят в церковь.

Это действительно правда: настоящие студенты не делают этого.

Фрида вздохнула. Она быстро подвинулась в сторону коляски с кричащим Вельфхеном и оттолкнула Циклопа, который хотел укусить ее за ногу.

Нет-нет, княжна права: в церковь не стоит идти!

– Останемся здесь, – решила она. И девушки вернулись в беседку.

У всех детей Гонтрама была бесконечная жажда жизни. Они не знали, но чувствовали, чувствовали кровью своей, что должны умереть молодыми, свежими, в самом расцвете сил, что им дана только ничтожная часть того времени, которое выделено другим людям. И они трижды старались воспользоваться этим временем, шумели, кричали, ели и упивались досыта жизнью. Вельфхен кричал в своей коляске, кричал столько, сколько трое других. А братья его бегали по саду, делая вид, точно их четыре десятка, а не четверо. Грязные, оборванные, где-нибудь всегда расцарапанные, с обрезанными пальцами, с разбитыми коленями. Когда солнце заходило, дети Гонтрама замолкали. Возвращались в дом, шли в кухню. Проглатывали кучу бутербродов с ветчиной и колбасой и пили воду, которую высокая служанка слегка подкрашивала красным вином. Потом она их мыла. Раздевала, сажала в корыто, брала черное мыло и жесткие щетки. Чистила их, точно пару сапог. Но дочиста

они никогда не отмывались. Они только кричали и возились в своих деревянных корытах.

Потом усталые до смерти ложились в постель, падали, точно мешки с картофелем, и лежали неподвижно. Всегда забывали они прикрыться. Это приходилось делать служанке.

Почти всегда в это время приходил адвокат Манассе. Подымался по лестнице, стучал палкой в дверь; не получая никакого ответа, он наконец переступал через порог.

Навстречу ему выходила фрау Гонтрам. Она была высокого роста, почти вдвое выше Манассе. Тот был только карлик, круглый, как шар, и походил на свою безобразную собаку Циклопа. Повсюду – на щеках, подбородке и губах – росли какие-то жесткие волосы, а посреди нос, маленький, круглый, точно редиска. Когда он говорил, он тьякал, как будто хотел поймать что-то ртом.

– Добрый вечер, фрау Гонтрам, – говорил он. – Что, коллеги нет еще дома?

– Добрый вечер, господин адвокат, – говорила высокая женщина. – Располагайтесь поудобнее.

Маленький Манассе кричал:

– Дома ли коллега? И велите принести сюда ребенка!

– Что? – переспрашивала фрау Гонтрам и вынимала из ушей вату. – Ах, так! – продолжала она. – Вельфхен! Если бы вы тоже клали в уши вату, вы тоже ничего бы не слышали.

– Билла! Билла! Или Фрида! Что вы, оглохли? Принесите-ка сюда Вельфхена!

Она была еще в капоте цвета спелого абрикоса. У нее были длинные каштановые волосы, небрежно зачесанные, растрепанные. Ее черные глаза казались огромными, широко-широко раскрытыми. В них сверкал какой-то странный, жуткий огонек. Но высокий лоб подымался над впавшим узким носом, и бледные щеки туго натягивались на скулы. На них горели большие красные

пятна.

– Нет ли у вас хорошей сигары, господин адвокат? – спросила она.

Он вынул свой портсигар со злостью, почти с негодованием.

– А сколько вы уже выкурили сегодня, фрау Гонтрам?

– Штук двадцать, – засмеялась она. – Но вы же ведь знаете, дрянных, по четыре пфеннига за штуку. Хорошую выкурить приятно. Дайте-ка вот эту толстую.

Она взяла тяжелую, почти черную «мексико». Манассе вздохнул:

– Ну что тут поделаешь? Долго будет так продолжаться?

– Ах, – ответила она, – только не волнуйтесь, не волнуйтесь. Долго ли? Третьего дня господин санитарный советник сказал: еще месяцев шесть. Но знаете, то же самое он говорил уже два года назад. Я все думаю: дело не к спеху: скоротечная чахотка плетется кое-как, шагом!

– Если бы вы только не так много курили! – твякнул маленький адвокат.

Она удивленно взглянула на него и подняла синеватые тонкие губы над блестящими белыми зубами.

– Что? Что, Манассе? Не курить? Что же мне еще делать? Рожать каждый год, вести хозяйство да еще скоротечная – и не курить даже?

Она пустила ему густой дым прямо в лицо. Он закашлялся.

Он посмотрел на нее полуядовито-полуласково и удивленно. Этот маленький Манассе был нахален, как никто, он никогда не лез за словом в карман, всегда находил резкий, удачный ответ. Он твякал, лаял, визжал, не считался ни с чем и не боялся ничего. Но здесь, перед этой изможденной женщиной, тело которой напоминало скелет и голова улыбалась, точно череп, которая уже несколько лет стояла одною ногою в гробу, – перед нею он испытывал страх. Только неукротимая власть локонов, которые росли все еще, становились все крепче и

гуще, словно почву под ними удобряла сама смерть, эти ровные блестящие зубы, крепко сжимавшие черный окурочок толстой сигары, эти глаза, огромные, без всякой надежды, бессердечные, почти не сознающие даже своего сверкающего жара, заставляли его замолкать и делали его еще меньше, чем он был, меньше даже, чем его собака.

Он был очень образован, этот адвокат Манассе. Они называли его ходячей энциклопедией, и не было ничего, чего бы он не знал. Сейчас он думал: она говорит, что смерть ее пугает. Пока ее нет, она жива, а когда она придет, ее уже не будет.

А он, Манассе, видел прекрасно, что смерть уже здесь, хотя она еще и жива. Она давно уже здесь, она повсюду в этом доме. Она играет в жмурки и с этой женщиной, которая носит ее клеймо, она заставляет кричать и бегать по саду ее обреченных детей. Правда, она не торопится. Идет медленным шагом. В этом она права. Но только так – из каприза. Только так – потому что ей доставляет удовольствие играть с этой женщиной и с ее детьми. Как кошке с золотыми рыбками в аквариуме.

– Ох, еще далеко! – говорит фрау Гонтрам, которая лежит целыми днями на кушетке, курит большие черные сигары, читает бесконечные романы и закладывает себе уши ватой, чтобы не слышать крика детей. – Ох, да правда ли, далеко?

– Далекое? Ослабилась смерть и захохотала пред адвокатом из этой страшной маски, и пустила ему прямо в лицо густой дым.

Маленький Манассе видел ее, видел отчетливо, ясно. Смотрел на нее и думал долго, какая же это в сущности смерть. Та, что изобразил Дюрер? Или Беклин? Или же дикая смерть – арлекин Боша или Брейгеля? Или же безумная, безответная смерть Хогарта, Гойи, Роландсона, Ропса или Калло?

Нет, ни та, ни другая, ни третья. То, что было перед ним, – с этой смертью можно поладить. Она буржуазно-добра и к тому же романтична. С нею можно поговорить, она любит шутки, курит сигары, пьет вино и может еще хохотать.

«Хорошо, что она еще курит! – подумал Манассе. – Очень хорошо: по крайней мере, не чувствуешь ее запаха...»

Показался советник юстиции Гонтрам.

– Добрый вечер, коллега! – сказал он. – Вы уже здесь? Как хорошо.

Он начал рассказывать какую-то длинную историю: подробно обо всем, что произошло сегодня в его бюро и на суде.

Все только странные, удивительные истории. Что у других юристов случается, быть может, раз в жизни, у Гонтрама происходило чуть ли не каждый день. Редкие и странные случаи, иногда веселые и довольно смешные, иногда же кровавые и в высшей степени трагические.

Одно только – в них не было ни единого слова правды. Советник юстиции испытывал почти такой же непобедимый страх перед правдой, как перед купанием и даже как перед простым тазом с водой. Едва он открывал рот, как начинал врать, а во сне ему снилась новая ложь. Все знали, что он врет, но все-таки слушали его очень охотно, потому что вранье его добродушно и весело, и если ничего подобного с ним не случалось, то, надо отдать ему справедливость, рассказчик он был хороший.

Ему было лет за сорок; седая короткая борода и редкие волосы. На длинном черном шнурке золотое пенсне, которое постоянно криво сидело на носу; через него глядели голубые близорукие глаза. Он был неряшлив, грязен, немыт, всегда с чернильными пятнами на пальцах.

Он был плохим юристом и принципиально восставал против всякой работы. Ее он поручал своим референдариям, но они не делали ничего. Только поэтому они и поступали к нему и целыми неделями даже не показывались в бюро. Он поручал работу заведующему своего бюро и писцам, которые тоже большей частью спали, а когда просыпались, то сами чаще писали одно только слово «оспариваю» и ставили под ним штампель советника юстиции.

Тем не менее у него была очень хорошая практика, гораздо лучше, чем у знающего, остроумного и делового Манассе. Он был близок к народу и умел говорить с людьми. Его любили все судьи и прокуроры, он никогда не доставлял им никаких трудностей и предоставлял идти делу своим чередом. На суде и

перед присяжными он был действительно золото, это все знали прекрасно. Один прокурор заявил даже как-то: «Я прошу дать обвиняемому снисхождение. Его защищает господин советник юстиции Гонтрам».

Снисхождения – его он добивался всегда для клиентов. Манассе же это удавалось очень редко, несмотря на его познания и умные, тонкие речи.

Кроме того, было еще одно обстоятельство. У Гонтрама было в прошлом несколько крупных, видных процессов, которые прогремели по всей стране. Он вел их много лет, провел через все инстанции и в конце концов выиграл. В нем пробудилась тогда какая-то странная, долгое время дремавшая в нем энергия. Его вдруг заинтересовала эта запутанная история, этот шесть раз проигранный, почти безнадежный процесс, переходивший из одного суда в другой, процесс, где приходилось разбирать целый ряд запутанных международных вопросов, о которых, кстати сказать, он не имел ни малейшего представления. Несмотря на самые очевидные улики, на четыре разбирательства дела, ему удалось добиться оправдания братьев Кошен из Ленепа, трижды приговоренных к смертной казни. А в крупном миллионном споре свинцовых рудников Нейтраль-Моренэ, в котором не мог разобраться ни один юрист трех государств, а Гонтрам, разумеется, еще меньше их всех, он все-таки одержал в конце концов блистательную победу. Теперь же уже года три он вел крупный бракоразводный процесс княгини Волконской.

И замечательно: этот человек никогда не говорил о том, что он действительно сделал. Каждому, с кем он встречался, он врал про свои бесконечные юридические подвиги, но ни словом не упоминал о том, что ему действительно удалось провести. Таков уж был он: он ненавидел всякую правду.

Фрау Гонтрам сказала:

– Сейчас дадут ужинать. Я велела приготовить для вас немного крутона и свежего вальдмейстерского. Не пойти ли мне переодеться?

– Не надо, – решил советник юстиции. – Манассе не будет ничего иметь против!.. – Он перебил себя: – Господи, как кричат дети! Пойди, успокой их немного!

Тяжелыми медленными шагами фрау Гонтрам пошла исполнять его просьбу. Отворила дверь в переднюю комнату: служанка качала там люльку. Она взяла Вельфхена на руки, принесла его в комнату и посадила на высокий детский стульчик.

– Нет ничего удивительного, что он так кричит! – спокойно сказала она. – Он весь мокрый. – Но не подумала даже о том, чтобы его переодеть. – Тише, чертенок, – продолжала она, – не видишь ты разве, у нас гости!

Но Вельфхен несколько не считался с гостем. Манассе встал, похлопал его по плечу, потрепал по толстой щечке и подал ему большую куклу. Но ребенок бросил игрушку и продолжал орать благим матом. Под столом сопровождал его диким лаем Циклоп.

Мать не выдержала:

– Подожди-ка, чертенок. Я знаю, чем тебя успокоить. – Она вынула изо рта черный, изжеванный окурочек сигары и сунула его в губы ребенка. – Ну, вкусно? А?

Ребенок мгновенно замолк, сосал окурочек и радостно смотрел своими большими смеющимися глазенками.

– Вот видите, господин адвокат, как нужно обходиться с ребенком! – сказала фрау Гонтрам. Она говорила самоуверенно и вполне серьезно. – Вы, мужчины, не умеете обращаться с детьми.

Вошла служанка, доложила, что стол накрыт. Потом, когда господа отправились в столовую, она подошла к ребенку.

– Фу, гадость! – закричала она и вырвала у него изо рта окурочек.

Вельфхен тотчас же опять заорал. Она взяла его на руки, стала качать, запела ему грустные песни своей валлонской родины. Но ей так же не повезло, как и Манассе: ребенок не переставал кричать. Тогда она снова подняла окурочек, плюнула на него, отерла его грязным кухонным передником, стараясь погасить все еще тлевший огонь. И сунула наконец в красные губки Вельфхена.

Потом взяла ребенка, раздела его, вымыла, надела на него чистое белье и уложила в постель. Вельфхен успокоился, дал себя вымыть. И заснул с довольным видом, все еще держа в губах грязный черный окурочок.

О, как была права фрау Гонтрам! Она умела обходиться с детьми, по крайней мере – со своими.

А в столовой ужинали, и советник юстиции начал свои бесконечные повести. Выпили сначала легкого красного вина. И только на десерт фрау Гонтрам подала крушон. Ее муж соорудил недовольную физиономию.

– Влей хоть немного шампанского, – сказал он. Она покачала только головой:

– Шампанского больше нет, одна только бутылка.

Он удивленно посмотрел на нее через пенсне и скептически покачал головой.

– Ну, знаешь ли, и хозяйка же ты! Нет ни капли шампанского, а ты не говоришь мне ни слова! Скажите пожалуйста! В доме ни капли шампанского! Вели хоть подать поммер. Хотя и жалко его для крушоно!

Он продолжал качать головой.

– Ни капли шампанского! Скажите на милость! – повторял он. – Нужно сейчас же раздобыть. Жена, принеси-ка мне перо и бумагу. Я напишу княгине.

Но когда бумага была перед ним, он отодвинул ее от себя.

– Ах, – вздохнул он, – я столько сегодня работал. Напиши-ка, жена, я продиктую тебе.

Фрау Гонтрам не двинулась с места. Писать? Только этого еще не доставало!

– И не подумаю даже, – сказала она. Советник юстиции посмотрел на Манассе:

– Коллега, не могли бы вы мне оказать небольшую услугу? Я так страшно устал.

Маленький адвокат негодующе поднял глаза.

– Страшно устал? – захохотал он. – От чего же? От бесконечных рассказов? Мне хотелось бы знать, откуда у вас всегда чернила на пальцах! Ведь не от писания, конечно!

Фрау Гонтрам рассмеялась:

– Ах, Манассе, это еще с Рождества – он подписывал тогда балльники детям! Впрочем, что вы здесь спорите? Пусть Фрида напишет.

Она подошла к окну и кликнула Фриду. Пришла Фрида вместе с Ольгой Волконской.

– Как мило, что ты тоже здесь! – поздоровался с нею советник юстиции. – Вы уже ужинали?

Да, девушки ужинали внизу на кухне.

– Садись-ка, Фрида, – сказал отец, – вот сюда.

Фрида повиновалась.

– Вот так! Ну а теперь возьми перо и пиши, что я тебе продиктую.

Но Фрида была истинное дитя Гонтрама, она ненавидела писание. И тотчас же вскочила с места.

– Нет, нет! – закричала она. – Пусть Ольга напишет, она умеет лучше меня.

Княжна стояла возле дивана. Она тоже не хотела. Но у подруги было средство заставить ее.

– Если ты не напишешь, – шепнула она ей, – я не придумаю тебе послезавтра грехов.

Это помогло. Послезавтра был день исповеди, и список грехов княжны был еще далеко не полон. Грешить перед конфирмацией было нельзя, но каяться все-таки необходимо. Нужно было обдумывать, вспоминать и искать, не найдется ли где хоть какой-нибудь грех. Этому княжна совсем не умела. Зато Фрида была в этом деле очень искусна. Ее список грехов был предметом зависти всего класса, особенно легко выдумывала она греховные мысли, сразу целыми дюжинами. Это было у нее от отца: она могла выложить сразу целый ворох грехов. Но зато если уж действительно грешила, то пастор даже не догадывался об этом.

- Пиши, Ольга, - шепнула она, - я одолжу тебе восемь хороших грехов.

- Десять, - потребовала княжна.

Фрида Гонтрам утвердительно кивнула головой: ей было безразлично, она согласилась бы и на двадцать, только чтобы не писать.

Ольга Волконская села к столу, взяла перо и вопросительно посмотрела на Гонтрама.

- Ну так пиши! - сказал тот. - «Многоуважаемая княгиня...»

- Это маме? - спросила княжна.

- Понятно! Кому же еще? Пиши же! «Многоуважаемая княгиня...»

Но княжна не писала.

- Если это маме, так ведь я могу написать: «милая мама!».

- Пиши, что хочешь, только пиши.

И она начала:

«Милая мама! - И дальше под диктовку советника юстиции: - К великому сожалению, должен вас известить, что ваше дело подвигается медленно. Мне приходится много раздумывать, а думать очень трудно, когда нечего пить. У нас в доме нет больше ни капли шампанского. Будьте добры поэтому в интересах

вашего же процесса прислать нам корзину шампанского для крюшона, корзину поммера и шесть бутылок...»

- «Сен-Морсо»! - воскликнул маленький адвокат.

- «Сен-Морсо», - продолжал советник юстиции. - Это любимая марка коллеги Манассе, который помогает мне иногда в вашем деле. С наилучшими пожеланиями ваш...» Ну вот видите, коллега, - заметил он, - как вы несправедливы ко мне! Мне не только приходится диктовать, но я еще должен собственноручно подписывать!

И он подписал письмо.

Фрида отошла к окну.

- Вы готовы? Да? Ну так я вам скажу, что не нужно никакого письма. Только что подъехала Ольгина мама и идет сейчас по дорожке сада.

Она давно уже заметила издали княгиню, но все время молчала и не прерывала письма. Если уж она даст хороших грехов, то пускай хоть Ольга поработает. Таковы были все Гонтрамы - и отец, и мать, и дети все: они очень, очень не любили работать, но охотно смотрели, как работают другие.

Вошла княгиня, толстая, рыхлая, с огромными бриллиантами на пальцах, в ушах и в волосах - в общем, очень буржуазного вида. Она была какой-то венгерской графиней или баронессой и где-то на Востоке познакомилась с князем. Что они поженились, это было несомненно. Но несомненно было и то, что с первого же дня оба стали мошенничать. Ей хотелось настоять на законности брака, который по каким-то причинам с самого начала был невозможен, а князь, считавший его вполне возможным, старался изо всех сил воспользоваться пустыми формальностями и сделать его незаконным. Целая сеть лжи и наглого шантажа: прекрасное поле действий для Себастьяна Гонтрама. В этом процессе все было шатко, ничего не было определенного, каждое малейшее упущение тотчас же опровергалось противной стороной, всякая законность тотчас же опровергалась законами другой страны. Несомненным было одно: маленькая княжна. Как князь, так и княгиня признавали себя ее отцом и матерью, и каждый требовал Ольгу себе: этот плод их странного брака, которому должны были достаться миллионы. В данное время на стороне матери шансов было больше.

– Садитесь, княгиня! – Советник юстиции откусил бы себе скорее язык, чем сказал бы этой женщине – Ваше Сиятельство. Она была его клиенткой, и он не обращался с нею ни на йоту почтительнее, чем с простой мужичкой. – Снимите шляпу! – Он не помог ей даже. – Мы только что вам писали письмо, – продолжал он. И он подал ей послание.

– Ах, пожалуйста! – воскликнула княгиня Волконская. – Конечно, конечно! Завтра же утром все будет доставлено! – Она открыла свою сумочку и вынула большое толстое письмо. – Я, собственно, к вам по делу. Это письмо от графа Ормозо, – знаете...

Гонтрам наморщил лоб: только этого ему не доставало! Сам император не мог бы заставить его работать, когда он сидел вечером дома. Он встал, взял письмо.

– Хорошо, – сказал он, – хорошо, мы рассмотрим его завтра в бюро.

Княгиня воспротивилась:

– Но ведь оно спешное, важное...

Советник юстиции перебил ее:

– Спешное? Важное? Скажите на милость, откуда вы знаете, что оно спешное и важное? Понятия вы ни о чем не имеете! Только в бюро мы можем выяснить это. – И затем тоном снисходительного упрека: – Княгиня, ведь вы же интеллигентная женщина! Вы тоже ведь получили кое-какое воспитание! Вы должны бы знать, что людей не обременяют делами вечером, когда они дома.

Но княгиня продолжала настаивать:

– Ведь в бюро я вас не застаю. На этой неделе уже четыре раза была там...

Гонтрам рассердился:

– Так приходите на будущей неделе! Неужели вы думаете, что у меня только одно ваше дело? Вы думаете, что мне ни о чем другом и подумать не нужно?

Сколько времени отнимает у меня один этот разбойник Гутен! А там ведь идет дело о человеческой жизни, а не о каких-то миллионах!

Он начал рассказывать бесконечную историю про этого замечательного атамана разбойничьей шайки, который, между прочим, был плодом его фантазии, и о юридических подвигах, совершенных им в защиту этого несравненного убийцы, который убивал женщин только из сладострастия.

Княгиня вздохнула, но все-таки слушала, по временам смеялась, всегда там, где нужно. Она была единственной из его многочисленных слушателей, кого не удивляла его ложь, но зато она была единственной, не понимавшей его острот.

– Маленький рассказ для девочек! – протявквал адвокат Манассе.

Обе девочки жадно слушали рассказ и смотрели на Гонтрама, широко раскрыв глаза и рты. Но тот не унимался:

– Ах, что там! Им нужно знакомиться с жизнью. – Он говорил таким тоном, точно убийца женщин был самым обыденным явлением, точно такие преступники попадают на каждом шагу. Наконец, он кончил и посмотрел на часы: – Уже десять! Вам пора спать! Выпейте-ка по стакану крюшона.

Девочки выпили, но княжна заявила, что она ни в коем случае не вернется домой. Она боится, она не сумеет спать одна. Не ляжет она и со своей мисс... Быть может, и она тоже такой переодетый убийца. Она останется у подруги. У матери она даже не спросила позволения. Спросила только у Фриды и у фрау Гонтрам.

– Пожалуйста! – сказала фрау Гонтрам, – но не проспите, ведь вам надо рано вставать, чтобы поспеть в церковь!

Девочки сделали книксен и вышли из комнаты. Под руку, тесно обнявшись.

– Ты тоже боишься? – спросила княжна.

Фрида ответила:

– Ведь папа все врал! – Тем не менее она все же боялась. Боялась и испытывала в то же время какое-то странное желание думать об этих вещах. Не переживать их, – о, нет, конечно, нет! Но думать о них и так же рассказывать. – Ах, вот это был бы грех для исповеди! – вздохнула она.

В столовой выпили крушон. Фрау Гонтрам выкурила еще последнюю сигару. Манассе встал и вышел в соседнюю комнату. А советник юстиции принялся рассказывать княгине новые истории. Она зевала, прикрывшись веером, но по временам старалась вставить тоже словечко.

– Ах да, – сказала она наконец, – я чуть не забыла! Разрешите покатасть завтра вашу жену в коляске? Хоть немного, в Роландзек!

– Конечно, – ответил он, – конечно, если только ей хочется.

Но фрау Гонтрам заметила:

– Я не могу поехать.

– Почему же? – спросила княгиня. – Вам очень полезно подышать свежим воздухом.

Фрау Гонтрам медленно вынула сигару изо рта.

– Я не могу поехать, у меня нет приличного платья...

Княгиня засмеялась, точно это было сказано в шутку. Она завтра же утром пришлет ей модистку с последними весенними моделями.

– Хорошо, – сказала фрау Гонтрам. – Но пришлите уж Беккер – у нее самые лучшие. – Она медленно поднялась со стула и пристально посмотрела на свой потухший окурок. – А теперь я пойду спать, спокойной ночи!

– Да, да, уже поздно, я тоже пойду! – поспешно заговорила княгиня. Советник юстиции проводил ее вниз через сад до улицы. Помог ей сесть в экипаж и тщательно запер калитку.

Когда он вернулся, его жена стояла на крыльце с зажженной свечкой в руках.

- Спать лечь нельзя, - спокойно заявила она.

- Что? - спросил он. - Почему это нельзя? Она повторила:

- Нельзя. У нас в спальне улегся Манассе.

Они поднялись по лестнице во второй этаж и вошли в спальню. На огромной двухспальной постели мирно и крепко почивал маленький адвокат. На стуле было аккуратно сложено его платье, тут же стояли ботинки. Он достал себе из комода чистую ночную сорочку и надел ее. Подле него свернулся клубочком Циклоп.

Советник юстиции Гонтрам подошел к нему со свечой.

- И этот человек еще упрекает меня в лени! - сказал он, недоумевающе покачав головой. - А сам до того ленив, что не может дойти до дому.

- Тсс! Тсс! Ты разбудишь и его и собаку.

Они достали из комода постельное и ночное белье и сошли вниз. Тихонько, стараясь не шуметь, фрау Гонтрам постелила для них внизу на диване.

Они заснули.

В большом доме все спало. Внизу, возле кухни Билла, толстая кухарка, с нею три собаки; в соседней комнате четыре буяна: Филипп, Паульхен, Эмильхен, Иозефхен. Наверху две подруги в большой комнате Фриды; рядом с ними Вельфхен со своим черным окурком; в гостиной Себастьян Гонтрам и супруга его. Во втором этаже храпели взапуски Манассе с Циклопом, а совсем наверху, в мансарде, спала Сефьхен, горничная, которая вернулась только что с бала и тихонько прокралась по лестнице. Все они спали крепчайшим сном. Двенадцать человек и четыре собаки.

Но нечто не спало. Медленно кралось вокруг большого дома.

Вблизи, мимо сада, струился Рейн. Подымал свою закованную в каменную броню грудь, смотрелся в спящие виллы и пробивал себе медленно путь к Старой Таможне. В кустах шевелились кот и кошка, пыжились, кусались, царапались, бросались друг на друга, широко раскрыв свои горящие, как уголь, глаза. И обнимались, сладострастно, в самозабвении, в томительной, мучительной страсти.

А издали, из города, доносились пьяные песни буйных студентов.

Что-то кралось вокруг большого дома на Рейне. Кралось по саду мимо сломанных скамеек и хромых стульев. Смотрело благосклонно на шабаш сладострастных кошек.

Кралось вокруг дома. Царапало твердыми когтями стену, и кусок ее с шумом падал на землю. Царапалось и у двери, которая тихо задрожала. Еле слышно, точно от ветерка.

Потом зашло в дом. Поднялось по лестнице, осторожно прокралось по комнатам. Остановилось, оглянулось кругом, беззвучно рассмеялось.

В огромном буфете из красного дерева стояло тяжелое серебро. Богатое, дорогое, еще из времен Империи. Но стекла окон были разбиты, и трещины заклеены бумагой. На стенах висели картины голландских мастеров, но в них были дыры, и старое золото рам покрылось паутиной. В зале висела роскошная люстра из дворца архиепископа, – но ее разбитые хрустальные подвески были засижены мухами.

Что-то кралось через весь тихий дом. И куда ни пробиралось, всюду что-нибудь ломалось и разбивалось. Правда, пустяк, почти незаметный, ненужный. Но все-таки оставались следы.

Куда ни кралось оно, всюду среди ночной тишины раздавался еле слышный шум. Трещал слегка пол, выскакивали гвозди, сгибалась старая мебель. Скрипели оконные стекла, дребезжали стаканы.

Все спало в большом доме на Рейне. Но что-то медленно скользило вокруг.

Глава II,

которая рассказывает, как зародилась мысль об Альрауне

Солнце взошло уже, и свечи зажглись в люстре, когда в залу вошел тайный советник тен Бринкен. У него был торжественный вид: во фраке, с большой звездой на белой сорочке и золотой цепочкой в петлице, на которой болталось двадцать небольших орденов. Советник юстиции поднялся, поздоровался с ним, представил его, и старый господин пошел вокруг стола, со стереотипной улыбкой говоря каждому какую-нибудь приятную любезность. У виновниц торжества он остановился и подал им красивый кожаный футляр с золотыми кольцами – с сапфиром для белокурой Фриды и с рубином для брюнетки Ольги. Сказал им обоим мудрое напутствие.

– Не хотите ли нагнать нас, господин тайный советник? – спросил Себастьян Гонтрам. – Мы сидим здесь уже с четырех часов – семнадцать блюд! Не дурно, не правда ли? Вот меню, пожалуйста, выбирайте, что вам по вкусу!

Но тайный советник поблагодарил: он уже пообедал. В залу вошла фрау Гонтрам. В голубом, немного старомодном платье с длинным шлейфом, с высокой прической.

– Мороженое не вышло, – воскликнула она. – Билла поставила его в печку!

Гости рассмеялись: этого нужно было ожидать. Иначе им было бы не по себе в доме Гонтрама. А адвокат Манассе закричал, чтобы подали блюдо: не каждый день ведь увидишь мороженое прямо из печки!

Тайный советник тен Бринкен взял себе стул. Он был невысокого роста. Гладко выбритый, с большими мешками под глазами. Довольно-таки некрасивый: толстые губы, большой мясистый нос. Левый глаз почти всегда был закрыт, но правый зато широко раскрывался.

Позади него кто-то сказал:

– Здравствуй, дядюшка Якоб! Это был Франк Браун.

Тайный советник обернулся; нельзя сказать, чтобы он был очень рад встретиться здесь с племянником.

– Как ты сюда попал? – спросил он. – Хотя, в сущности, иначе и быть не могло!

Студент рассмеялся.

– Конечно! Ты сразу, дядюшка, понял. Впрочем, и ты ведь тоже здесь и к тому же официально, в качестве действительного тайного советника и профессора, при всех орденах и знаках отличия. Я же инкогнито здесь – даже ленточка корпорации у меня в жилетном кармане.

– Доказывает только твою нечистую совесть, – заметил дядюшка. – Когда ты...

– Да, да, – перебил его Франк Браун. – Я уже знаю: когда я буду в твоём возрасте, тогда я сумею и так далее... ведь это хотел ты, наверное, сказать? Но, слава Богу, мне нет еще двадцати лет. Я как нельзя больше этим доволен.

Тайный советник сел.

– И ты очень доволен? Конечно, конечно! Ты на четвертом семестре и только и делаешь, что фехтуешь, едешь верхом, выкидываешь всякие глупости! Разве за этим мать послала тебя в университет? Скажи, милый мой, был ты вообще хоть раз на лекции?

Студент налил два бокала.

– Дядюшка, выпей-ка, ты не так будешь сердиться! Ну-с: на лекции я уже был, не на одной. Но впредь решил никогда не ходить больше. Твое здоровье!

– Твое! – ответил тайный советник. – И ты думаешь, что этого совершенно достаточно?

– Достаточно? – засмеялся Франк Браун. – Я думаю, этого даже чересчур много. Совсем излишне! Что мне делать на лекциях? Возможно, что другие студенты могут кое-чему научиться у вас, профессоров, но их мозг, должно быть,

приспособлен к этому методу. У меня же мозг устроен совершенно иначе. Мне вы все кажетесь невероятно скучными, глупыми, пошлыми.

Профессор удивленно посмотрел на него.

– Ты страшно нахален, милый мой юноша, – спокойно заметил он.

– Неужели? – Студент откинулся и заложил ногу за ногу. – Неужели? Не думаю, но если и так, то это вовсе не так уж плохо. Видишь ли, дядюшка, я прекрасно сознаю, зачем говорю это. Во-первых, для того, чтобы тебя немного позлить – у тебя очень смешной вид, когда ты сердишься. А во-вторых, чтобы потом услышать от тебя, что я все-таки прав. Ты, дядюшка, например, несомненно очень хитрая, старая лисица, ты очень умен и рассудителен, у тебя большие познания. Но на лекциях ты так же невыносим, как и все твои distinguished коллеги. Ну, скажи сам, интересно было бы тебе слушать их лекции?

– Нет, конечно, нет, – ответил профессор. – Но ведь я другое дело. Когда ты – ну ты уже знаешь, что я хочу сказать. Но скажи, мой милый, что тебя в сущности привело сюда? Ты согласишься, конечно, со мной, что это не общество, в котором охотно видела бы тебя твоя мать. Что же касается меня...

– Хорошо, хорошо! – ответил Франк Браун. – Что касается тебя, то я все уже знаю. Ты сдал этот дом в аренду Гонтраму, а так как он, наверное, не такой уж пунктуальный плательщик, то полезно навещать его время от времени. А его чахоточная супруга интересуется, конечно, тебя как врача. Ведь все городские врачи в недоумении от этого феномена без легких. Потом тут есть еще княгиня, которой тебе хочется продать свою виллу в Мелеме, и наконец, дядюшка, тут есть еще два подростка, свеженьких, хорошеньких, не правда ли? О, у тебя, конечно, нет никаких задних мыслей, я знаю, дядюшка, знаю прекрасно!

Он замолчал, закурил папиросу и пустил дым. Тайный советник взглянул на него своим правым глазом, пылливо и ядовито.

– Что ты этим хочешь сказать? – спросил он тихо.

Студент засмеялся:

– Ничего, ровно ничего! – Он встал, взял со стола ящик с сигарами, открыл его и подал тайному советнику. – Кури, дорогой дядюшка, Ромео и Джульетта, твоя любимая марка! Советник юстиции, наверное, только для тебя и купил их.

– Мерси, – пробурчал профессор, – мерси! Но все-таки: что ты хотел этим сказать?

Франк Браун подвинул свой стул ближе к нему.

– Могу ответить тебе, дорогой дядюшка. Я не терплю твоих упреков. Понимаешь? Я сам знаю прекрасно, что жизнь, которую я веду, довольно пуста, но ты меня оставь в покое, тебя это ничуть не касается. Ведь я не прошу тебя платить мои долги. Я требую только, чтобы ты не писал таких писем. Пиши, что я очень добродетелен, очень морален, что я много работаю, что делаю большие успехи. И так далее. Понимаешь?

– Но придется ведь лгать, – заметил тайный советник.

Он хотел сказать это любезно, полушутливо, но вышло как-то грубо.

Студент посмотрел ему прямо в лицо.

– Да, дядюшка, ты должен именно лгать. Не из-за меня, ты знаешь это прекрасно. А из-за матери. – Он замолчал на мгновение и выпил вина. – И за то, что ты будешь лгать моей матери и поддержишь немного меня, я согласен ответить тебе, что я хотел сказать своею фразою.

– Мне очень хотелось бы знать, – заметил тайный советник.

– Ты знаешь мою жизнь, – продолжал студент, и голос его зазвучал вдруг серьезно, – ты знаешь, что я – и теперь еще – глупый мальчишка. И потому, что ты старый и заслуженный учитель, богатый, повсюду известный, украшенный орденами и титулами, только потому, что ты мой дядя и единственный брат моей матери, ты думаешь, что имеешь право воспитывать меня? Но есть у тебя это право или нет, ты этого делать не будешь. Ни ты, никто – одна только жизнь.

Профессор хлопнул себя по колену и рассмеялся.

– Да, да, жизнь! Подожди, милый мой, она тебя воспитает. У нее достаточно острых углов и краев. Много незыблемых правил, законов, застав и преград!

Франк Браун ответил:

– Все они не для меня. Не для меня так же, как и не для тебя. Ведь ты же, дядюшка, обровнял все эти углы, пробил все преграды, насмеялся над всеми законами. Что же, и я так могу сделать.

Послушай-ка, дядюшка, – продолжал он. – Я тоже хорошо знаю твою жизнь. Весь город знает, даже воробьи щебечут о ней со всех крыш. А люди шепчутся только и рассказывают потихоньку, потому что боятся тебя, твоего ума и твоей, да, твоей власти и твоей энергии. Я знаю, отчего умерла маленькая Анна Паулерт. Знаю, почему твой красивый садовник должен был так быстро уехать в Америку. Знаю и еще кое-какие истории. Ах, нет, я не смакую их, не думаю даже. И не возмущаюсь ничем. Я, быть может, даже немного восторгаюсь тобой, только потому, что ты, как маленький король, можешь безнаказанно делать подобные вещи. Я только толком не понимаю, почему ты имеешь такой невероятный успех у всех этих детей – ты, ты с твоей уродливой рожей.

Тайный советник играл своей цепочкой от часов. Потом посмотрел на племянника, спокойный, почти польщенный, и сказал:

– Правда, ты этого не понимаешь?

Студент ответил:

– Нет, не понимаю. Но зато я знаю прекрасно, как ты до этого дошел! Ты давно имеешь все, что ты хочешь, все, что может иметь человек в нормальных границах буржуазности, и тебе хочется пробить их. Ручью тесно в своем старом русле, он выходит дерзко наружу и разливается по берегам. Но вода его – кровь.

Профессор взял бокал и протянул его Франку Брауну.

– Налей-ка, мой милый, – сказал он. Его голос немного дрожал и звучал какой-то торжественностью. – Ты прав. Это кровь, твоя и моя кровь.

Он выпил и протянул юноше руку.

- Ты напишешь матери так, как бы мне хотелось? – спросил Франк Браун.

- Хорошо, – ответил старик. Студент добавил:

- Благодарю, дядюшка. – Потом пожал протянутую руку. – А теперь, старый донжуан, поди к конфирманткам! Правда, они очень хорошенькие в своих светлых платицах?

- Гм! – произнес дядя. – Тебе они тоже, кажется, нравятся?

Франк Браун рассмеялся:

- Мне? Ах, господи! Нет, дядюшка, для тебя я не соперник, во всяком случае не сегодня, сегодня у меня большие требования. Быть может... когда я буду в твоих летах. Но я вовсе не забочусь об их добродетели, да и сами эти цветочки хотят только того, чтобы их поскорее сорвали. Все равно кто-нибудь это сделает, почему бы и не ты? Ольга, Фрида, подите сюда!

Но девочки не подошли: возле них стоял доктор Монен, который чокался с ними и рассказывал им двусмысленные анекдоты.

Подошла княгиня. Франк Браун встал и предложил ей стул.

- Садитесь, садитесь! – воскликнула она. – Я не успела еще поболтать с вами!

- Одну минуту, ваше сиятельство, я только принесу папиросы, – сказал студент. – Дядюшка мой давно уже жаждет сказать вам несколько комплиментов.

Тайный советник вовсе не так уж обрадовался, ему было бы гораздо приятнее, если бы тут сидела дочка княгини. Пришлось, однако, разговаривать с матерью.

Франк Браун подошел к окошку. Советник юстиции подвел между тем к роялю фрау Марион. Гонтрам сел на табурет перед роялем, повертелся на нем и сказал:

– Прошу немного спокойствия. Фрау Марион споеет нам что-нибудь. – Он повернулся к своей даме. – Что же вы споете, сударыня? Вероятно, опять «Les papillons»? Или, быть может, «Il baccio» Ардити? Ну давайте!

Студент посмотрел на нее. Она была все еще красива, эта пожилая и пожившая женщина: глядя на нее, можно было вполне поверить тем бесконечным историям, которые про нее ходили. Она была когда-то знаменитой европейской певицей. Теперь же уже около двадцати пяти лет она жила в этом городе, одна на своей маленькой вилле. Каждый вечер она долго гуляла по саду и плакала с полчаса над могилкой своей собачки, украшенной самыми лучшими цветами.

Она запела. Ее изумительный голос был давно уже разбит, но в умении петь все-таки чувствовалось какое-то странное обаяние старой школы. На покрашенных губах отражалась старая улыбка победительницы, а под толстым слоем пудры черты лица ее принимали позу обаятельной любезности. Ее толстые, заплывшие жиром руки играли веером из слоновой кости, а глаза, как когда-то, старались вызвать одобрение у всех и у каждого.

О, да, она подходила сюда, эта мадам Марион Вэр-де-Вэр, подходила к этому дому и ко всем остальным, бывшим сейчас в гостях. Франк Браун огляделся по сторонам. Вот его дорогой дядюшка с княгиней, а позади них, прислонившись к двери, Манассе и пастор Шредер. Этот худой, длинный Шредер – лучший знаток вина на Мозеле и Заале, обладающий редким погребом вин; он написал когда-то чересчур умную книгу о философии Платона, а здесь занимается сочинением пьесок для Кельнского театра марионеток. Он был ярим партикуляристом, ненавидел пруссаков и, говоря об императоре, думал лишь о Наполеоне I и каждый год пятого мая отправлялся в Кёльн, чтобы присутствовать на торжественной литургии в честь павших воинов великой армии.

Вот сидит в золотом пенсне огромный Станислав Шахт, *sand. phil.* на шестнадцатом семестре, слишком грузный и ленивый, даже чтобы подняться со стула. Уже много лет снимает он комнату у вдовы профессора фон Доллингера – и давно уже пользуется там правами хозяина. Эта маленькая, уродливая, худая, как спичка, женщина сидела возле него, наливая ему бокал за бокалом, и накладывала каждую минуту новые порции пирога на тарелку. Она не ела ничего, но пила не меньше его. И с каждым новым бокалом возрастала ее нежность: ласково гладила она его жирные пальцы. Около нее стоял Карл Монен, *dr. jur.* и *dr. phil.* Он был школьным товарищем Шахта и его большим другом и не меньше его пробыл в университете. Он всю жизнь держал экзамены

и менял свои склонности. В данное время он был философом и готовился к трем экзаменам. Он был похож на приказчика из магазина. Франк Браун подумал, что он, наверное, еще когда-нибудь станет купцом. Это будет для него самое лучшее, он сделает хорошую карьеру в магазине готового платья, где будет продавать дамам. Он постоянно искал богатой партии, но искал, как это ни странно, на улицах: прогуливался мимо окон. Действительно, ему удавалось неоднократно завязывать интересные знакомства. Он волочился особенно за туристками-англичанками. Но, увы, у них большей частью никогда не было денег.

Тут был еще один маленький гусарский лейтенант с черными усиками. Сейчас как раз он говорил с конфирмантками. Его, молодого графа Герольдингера, можно было встретить каждый день за кулисами театра. Он довольно мило рисовал, талантливо играл на скрипке и был к тому же лучшим наездником в полку. Он рассказывал сейчас Ольге и Фриде что-то про Бетховена, но они немилосердно скучали и слушали только потому, что он был таким хорошеньким маленьким лейтенантом.

О да, они все подходили сюда, все без исключения. В них всех было немножко цыганской крови, несмотря на их титулы и ордена, несмотря на тонзуры и мундиры, несмотря на бриллианты и золотые пенсне, несмотря на все их видное общественное положение.

Вдруг посреди пения фрау Марион раздался неистовый крик: дети Гонтрама подрались на лестнице. Мать вышла из комнаты, чтобы их успокоить. Потом в соседней комнате заорал вдруг Вельфхен, и прислуге пришлось отнести его к себе в мансарду. Она взяла с собою и Циклопа и уложила их обоих в коляску.

Фрау Марион начала вторую арию: «Пляску теней» из «Диноры» Мейербера.

Княгиня стала расспрашивать тайного советника о его новых опытах. Нельзя ли ей прийти опять посмотреть на его милых лягушек и хорошеньких обезьянок?

Конечно, конечно, пожалуйста. Он покажет ей и новый розариум на своей мелемской вилле, и большие белые камелии, которые посадил там садовник.

Но княгине лягушки и обезьяны были интереснее, чем розы и камелии. Он начал рассказывать ей о своих опытах над перенесением зародышевых клеток и

искусственном оплодотворении. Сказал ей, что у него есть сейчас хорошенькая лягушка с двумя головами и еще одна с четырнадцатью глазами на спинке. Объяснил ей, как вырезает он зародышевые клетки из головастика и переносит их на другие индивидуумы и как затем эти клетки развиваются дальше в новом теле, и из них вырастают головы, хвосты и ножки. Рассказывал ей о своих опытах над обезьянами. Сказал, что у него есть две молодые морские кошки, девственная мать которых, кормящая их, никогда не знала самца.

Это заинтересовало ее больше всего. Она расспрашивала о всех подробностях, заставила его рассказывать, как он это делает, слушала бесконечный поток греческих и латинских слов, которых даже не понимала. Тайный советник увлекся и стал снабжать свою речь циничными подробностями и жестами. Из рта у него потекла на отвислую нижнюю губу слюна. Он наслаждался этой игрой, этой циничной беседой и сладострастно упивался звуками бесстыдных слов. А потом, произнеся какое-то особенно циничное слово, он снабдил его обращением: ваше сиятельство! И с восхищением наслаждался всей жгучей прелестью этого контраста.

Но она слушала его, вся красная, взволнованная, чуть ли не с дрожью и впитывала всеми своими порами развратную атмосферу, которая дышала вокруг этого еле заметного научного знамени.

- Вы оплодотворяете только обезьян? - спросила она, еле переведя дыхание.

- Нет, - ответил он, - также крыс и морских свинок. Приходите когда-нибудь посмотреть, ваше сиятельство, как я...

Он понизил голос и прошептал ей что-то на ухо. Она закричала:

- Да, да, я приду посмотреть! Охотно, очень охотно, а когда именно? - И добавила с плохо сделанным достоинством: - Знаете, господин тайный советник, меня ничто так не интересует, как медицинские опыты. Мне кажется, я была бы превосходным врачом.

Он посмотрел на нее и улыбнулся.

- Нисколько не сомневаюсь, ваше сиятельство.

И подумал, что она, наверное, была бы лучшей хозяйкой дома терпимости. Но он уже поймал свою рыбку. Заговорил снова о розариуме и камелиях на своей вилле на Рейне. Она ему так надоела, он купил ее только из одолжения. Она расположена так превосходно, и главное – вид. Быть может, если бы ее сиятельству захотелось бы, он с удовольствием...

Княгиня Волконская тотчас же согласилась:

– Да, господин тайный советник, я с удовольствием куплю вашу виллу!

Она увидела проходившего мимо Франк Брауна и подозвала его:

– Ах, господин студент! Господин студент! Подите сюда, ваш дядюшка обещал показать мне несколько опытов, разве это не страшно интересно? А вы когда-нибудь видели их?

– Нет, – заметил Франк Браун. – Меня они нисколько не интересуют.

Он повернулся, но она схватила его за рукав.

– Дайте-ка мне, дайте-ка мне папиросу! И налейте шампанского!

От возбуждения она вся дрожала: по ее жирному телу струились капли горячего пота. Ее грубая чувственность, пробужденная циничными рассказами старика, искала какой-нибудь цели и горячей волной обрушилась на молодого человека.

– Скажите, господин студент, – она дышала тяжело, ее могучая грудь подымалась высоко, – скажите мне, по-вашему, не мог ли господин советник применять свою науку и свои опыты с искусственным оплодотворением также и к людям?

Она знала прекрасно, что он об этом и не думал. Но ей хотелось во что бы то ни стало продолжить эту беседу. И обязательно с этим молодым, свежим, красивым студентом.

Франк Браун рассмеялся и инстинктивно понял ее мысль.

– Конечно, ваше сиятельство! – сказал он. – Разумеется, дядюшка как раз занят этим сейчас, он изобрел новое средство, такое, что бедная женщина ничего даже не замечает. Решительно ничего, пока в один прекрасный день не почувствует, что она беременна. На четвертом или пятом месяце... Берегитесь же, ваше сиятельство, господина тайного советника, кто знает, может, и вы тоже...

– Избави боже! – воскликнула княгиня.

– Не правда ли, – заметил он, – это не очень приятно? Особенно когда ничего не имеешь от этого!

Бац! Что-то рухнуло и упало на голову горничной Сефхен. Девушка неистово закричала и от страха уронила серебряный поднос, на котором разносила кофе.

– Как жалко сервиз! – произнесла равнодушно фрау Гонтрам. – Что это упало?

Доктор Монен подбежал тотчас же к плачущей девушке. Срезал ей прядь волос, обмыл открытую рану и остановил кровь желтой железистой ватой. Но не забыл при этом потрепать хорошенькую горничную за щечки и тайком коснуться упругой груди. Дал ей выпить вина и начал что-то нашептывать на ухо.

Гусарский лейтенант нагнулся и поднял предмет, который послужил причиной несчастья. Взял его в руки и начал рассматривать со всех сторон.

На стене висели всевозможные редкие вещи. Какой-то божок – полумужчина, полуженщина, пестрый, раскрашенный желтыми и красными полосками. Два старых рыцарских сапога, бесформенных, тяжелых, с большими испанскими шпорами. Докторский диплом иезуитской высшей школы в Севилье, напечатанный на старинном сером шелке и принадлежавший одному из предков Гонтрама. Дальше роскошное распятие из слоновой кости, выложенное золотом. И наконец тяжелые буддийские четки из больших зеленых камней.

А совсем наверху висел тот предмет, который только что упал на пол. Видна была широкая трещина в обоях, откуда он вырвал гвоздь. Это была коричневая пыльная палка из окаменевшего дерева. Она напоминала своим видом дряхлого человечка в морщинах.

– Ах да, это наш Альрауне! – заметила фрау Гонтрам. – Хорошо, что как раз Сефхен тут проходила: она ведь из Эйфеля, у нее твердые кости, а то если бы тут сидел Вельфхен, эта противная штука наверняка раздробила бы его маленький череп!

Советник юстиции разъяснил:

– Он уже несколько веков сохраняется в нашей семье. И уже раз был такой же случай: дядя мой рассказывал, что однажды ночью он упал ему на голову. Но он был, наверное, пьян – он очень любил выпить.

– Что это, собственно? И для чего? – спросил гусарский лейтенант.

– Он приносит богатство, – ответил Гонтрам. – Есть такое старинное предание. Манассе сможет его вам рассказать. Поди-ка сюда, коллега! Как это предание об Альрауне?

Но маленький адвокат не пожелал рассказывать.

– Ах, все и так знают!

– Никто не знает! – воскликнул лейтенант. – Никто, вы преувеличиваете наши познания.

– Расскажите же, Манассе, – попросила фрау Гонтрам. – Мне тоже хотелось бы знать, что означает эта противная штука.

Он уступил просьбам. Он говорил сухо, деловито, точно читал вслух какую-то книгу. Не торопясь, едва повышая свой голос, и в такт своим словам размахивал все время человечком.

– Альрауне, альбрауне, мандрагора, также и манрагола, *mandragora officinarum*. Растение из семейства *solanaceae*. Оно встречается в бассейне Средиземного моря, в юго-восточной Европе и в Азии вплоть до Гималаев. Листья его и цветы содержат наркотики. Оно употреблялось прежде как снотворное средство, даже при операциях в знаменитой медицинской школе в Салерно. Листья его курили, а из плодов готовили любовные напитки. Они повышают чувственность и

делают женщин плодовитыми. Еще Иаков применял его. Тогда растение называлось дудаимом. Но главную роль играет корень растения. О его странном сходстве со стариком или старушкой упоминает еще Пифагор. Уже в его время говорили, что оно действует как шапка-невидимка, и употребляли его как волшебное средство или, наоборот, в качестве талисмана против колдовства. В Средние века во времена крестовых походов зародилось и германское предание об Альрауне. Преступник, распятый обнаженным на кресте, теряет свое последнее семя в тот момент, когда у него ломается позвоночный столб. Это семя падает на землю и оплодотворяет ее: из нее вырастает Альрауне, маленький человечек, мужчина или женщина. Ночью отправлялись на поиски его. В полночь заступ опускался в землю под виселицей. Но люди хорошо делали, что затыкали себе уши, потому что, когда отрывали человечка, он кричал так неистово, что все падали от страха. Еще Шекспир повествует об этом. Потом человечка относили домой, прятали, давали ему каждый день есть и по субботам мыли вином. Он приносил счастье на суде и на войне, служил амулетом против колдовства и привлекал в дом богатство. Располагал всех к тому, у кого он хранился, служил для предсказаний, а в женщинах возбуждал любовный жар и облегчал им роды. Но несмотря на все это, где бы он ни был, всюду случались несчастья. Остальных обитателей дома преследовали неудачи, во владельце своем он развивал скупость, развратные наклонности и всевозможные пороки. А в конце концов даже губил его и ввергал в ад. Тем не менее эти корни пользовались всеобщей любовью, ими торговали даже и брали за них огромные деньги. Говорят, будто Валленштейн всю свою жизнь возил за собою Альрауне. То же самое рассказывают и про Генриха Пятого Английского.

Адвокат замолчал и бросил на стол окаменевшее дерево.

– Очень любопытно, право, очень любопытно! – воскликнул граф Герольдинген. – Я крайне признателен вам за вашу маленькую лекцию, господин адвокат.

Но мадам Марион заявила, что она бы ни минуты не держала в своем доме такой вещи. Испуганными, суеверными глазами посмотрела она на застывшую, костлявую маску фрау Гонтрам.

Франк Браун быстро подошел к тайному советнику. Его глаза сверкали, он взволнованно взял старика за плечо.

– Дядюшка, – шепнул он, – дядюшка...

– В чем дело, мой милый? – спросил профессор. Но все-таки встал и последовал за племянником к окну.

– Дядюшка, – повторил студент, – вот этого тебе только и нужно. Это лучше, чем заниматься глупостями с лягушками, обезьянами и маленькими детьми. Дядюшка, не упускай случая, пойдя по новому пути, по которому никто до сих пор еще не шел! – Его голос дрожал, с нервной поспешностью пускал он дым папиросы.

– Я не понимаю тебя! – заметил старик.

– Сейчас поймешь, дядюшка! Ты слышал, что он рассказывал? Создай же Альрауне, существо, которое бы жило, имело бы плоть и кровь! Ты способен на это, ты один и никто кроме тебя во всем мире!

Тайный советник посмотрел на него негодуя и удивленно. Но в голосе студента звучала такая уверенность, такая могучая сила веры, что он стал вдруг серьезным. Против своей воли.

– Объясни мне точно, Франк, что ты хочешь, – сказал он, – я, право, не понимаю тебя.

Его племянник покачал головой.

– Не теперь, дядюшка. Я провожу тебя домой, если позволишь.

Он быстро повернулся и подошел к Минхен, разносившей кофе, взял чашку и быстро опорожнил ее.

Сефхен, другая горничная, убежала от своего утешителя. А доктор Монен бегал повсюду, быстро, проворно и деловито, точно коровий хвост в летнее время, когда много мух. У него чесались руки что-нибудь сделать, он взял Альрауне и начал тереть его большой салфеткой, стараясь очистить от пыли. Но тщетно: много веков его не вытирали, Альрауне грязнил только одну салфетку за другой, но сам не становился от этого чище. Тогда неутомимый человек поднял его и ловким движением бросил в большую миску с крошоном.

– Пей же, Альрауне! – воскликнул он. – В доме плохо с тобою обращались. Тебе, наверное, хочется пить. – Он влез на стул и начал бесконечную торжественную речь в честь обеих конфирманток. Пусть они навсегда останутся такими же девочками в белых невинных платьицах, – закончил он свою речь, – я желаю этого им от всего сердца!

Он лгал; он совсем не хотел этого. Этого не хотел, впрочем, никто, и меньше всех сами девушки. Но они все же засмеялись вместе с другими, подошли к нему, сделали реверанс и поблагодарили.

Шредер стал подле советника юстиции и ругался, что близится срок, когда будет введено новое гражданское уложение. Еще десять лет – и конец кодексу Наполеона. В Рейнланде будет господствовать то же право, что и там, в Пруссии. Какая нелепость! Трудно себе представить!

– Да, – вздохнул советник юстиции, – а сколько работы! Сколькому придется вновь научиться. Как будто и так нечего делать.

Он столь же мало стал бы заниматься изучением гражданского уложения, сколько изучал рейнское право. Слава Богу, экзамены свои он уже сдал.

Княгиня простилась и взяла с собою в экипаж фрау Марион. Ольга осталась опять у подруги. Другие тоже разошлись, один за другим.

– Подожди немного, – ответил тайный советник, – нет еще моего экипажа. Он сейчас, наверное, приедет.

Франк Браун смотрел в окно. По лестнице проворно, как белка, несмотря на свои сорок лет, промчалась маленькая фрау Доллингер. Споткнулась обо что-то, упала, снова вскочила на ноги, побежала к огромному дубу и обвила его ствол обеими руками и ногами. И тупо, пьяная от вина и жадной страсти, стала целовать дерево своими горячими воспаленными губами. Станислав Шахт подбежал к ней и оторвал ее от ствола, точно жука, который крепко впился в него ножками. Он сделал это не грубо, но с силой, все еще трезвый, несмотря на огромное количество выпитого вина. Она кричала, отбивалась руками и ногами, ей не хотелось отрываться от гладкого дерева. Но он поднял ее и понес. Она узнала его, сорвала с него шляпу и начала целовать прямо в лысину, громко крича, задыхаясь...

Профессор поднялся и подошел к советнику юстиции.

– У меня к вам просьба, – сказал он. – Не подарите ли вы мне этого человечка?

Фрау Гонтрам предупредила мужа:

– Конечно, господин тайный советник, возьмите его! Он, наверное, годится скорее холостому. – Она опустила руку в чашу вина и вынула человечка. Но задела им край чаши: в комнате раздался резкий дребезжащий звук. Роскошная старинная чаша разлетелась вдребезги, разлив свое сладкое содержимое по столу и по полу. – Господи боже мой! – воскликнула она. – Хорошо, что эта противная штука уходит наконец из дому!

Глава III,

которая повествует, как Франк Браун уговорил тайного советника создать Альрауне

Они сидели в экипаже, профессор тен Бринкен и племянник его, не говоря ни слова. Франк Браун откинулся назад и смотрел куда-то вперед, глубоко погруженный в свои мысли. Тайный советник молчал и испытующе наблюдал за ним.

Поездка их продолжалась менее получаса. Они проехали по шоссе, завернули направо и затряслись по изрытой мостовой. Там, посреди деревни, возвышалась большая усадьба тен Бринкена, огромный четырехугольный участок, сад и парк, а ближе к улице ряд маленьких, некрасивых построек. Они завернули за угол мимо покровителя деревни – святого Непомука. Его изображение, украшенное цветами и двумя лампадами, стояло в угловой нише господского дома. Лошади остановились. Лакей отворил ворота и открыл дверцы коляски.

– Принеси нам вина, Алоиз, – сказал тайный советник. – Мы пойдем в библиотеку. – Он обернулся к племяннику: – Ты у меня переночуешь? Или подождать кучеру?

Студент покачал головой.

- Ни то ни другое. Я вернусь в город пешком.

Они прошли двором и вошли в длинный маленький дом с левой стороны. Это была, в сущности, одна громадная зала и рядом с нею крохотная передняя. Вокруг по стенам стояли длинные бесконечные полки, тесно уставленные тысячами книг. На полу стоял низкий стеклянный ящик, наполненный римскими раскопками. Много гробов и могил было опустошено и разграблено. Пол покрывал большой ковер. Вокруг стояли два письменных стола, несколько кресел и диванов.

Они вошли. Тайный советник бросил деревянного человечка на диван. Они зажгли свечку, сдвинули два кресла и сели. Лакей откупорил пыльную бутылку.

- Можешь идти, - сказал профессор, - но не ложись еще спать. Барин скоро уйдет, ты закроешь за ним ворота. Ну? - обратился он к племяннику.

Франк Браун выпил вина, потом взял деревянного человечка и начал играть с ним. Он был еще влажен и, по-видимому, слегка гнулся.

- Он гнется, - пробормотал Франк. - Вот глаза - два глаза. А вот нос. Вот ясно видны очертания рта. Посмотри-ка, дядюшка, ты видишь, как он улыбается? Руки как будто скрючены, а ножки срослись до колен. Странная штука! - Он поднял его и начал вертеть во все стороны. - Осмотрись здесь, Альрауне! - воскликнул он. - Здесь твоя новая родина. Сюда ты больше подходишь - к господину Якобу тен Бринкену, гораздо больше, чем к дому Гонтрамов. Ты старый, - продолжал он, - тебе четыреста, может быть, шестьсот или еще больше лет. Твоего отца повесили, он был, наверное, убийцей или вором или просто сочинил сатиру на какого-нибудь важного господина в панцире или в рясе. Безразлично, в сущности, что он сделал, он был преступником в свое время, и они распяли его. Тогда он изверг свою последнюю жизнь на землю и зачал тебя, тебя, странное существо. А мать-земля приняла это прощание преступника в свое плодотворное чрево, таинственно забеременела тобою и родила. Она, исполинская, всемогущая, родила тебя, жалкого, уродливого человечка, и они тебя вырыли в полночь у креста, дрожа от страха, произнося таинственные неистовые заклинания. А ты, заметив впервые свет луны, увидел отца своего, который висел над тобою: сломанные кости его и гниущее тело. А

они взяли тебя, те самые, которые казнили его, твоего отца. Взяли тебя, принесли домой: ты должен был дать им богатство! Яркое золото и молодую любовь! Они знали прекрасно: ты принесешь с собою несчастья, болезни, бедствия и в конце концов жалкую смерть. Знали это прекрасно, а все-таки вырыли тебя и взяли с собою, они соглашались на все за любовь и за золото!

Тайный советник заметил:

- У тебя богатое воображение, дорогой мой. Ты фантазер!

- Да, - ответил студент, - пожалуй, что и так. Но ведь и ты фантазер.

- Я? - засмеялся профессор. - Ну, кажется, моя жизнь протекла довольно реально.

Но племянник покачал головою.

- Нет, дядюшка, не совсем-то реально. Только ты называешь реальным то, что другие называют фантазией. Подумай обо всех твоих опытах. Для тебя они нечто большее, чем простая игра, они те пути, которые когда-нибудь приведут тебя к намеченной цели. Нормальный человек никогда бы не дошел до твоих мыслей: только фантазер может быть способен на это. Только горячая голова, только человек, в жилах которого течет кровь, горячая, как кровь всех тен Бринкенов, только такой человек может отважиться сделать то, что ты теперь должен совершить.

Старик перебил его, недовольный, но все же слегка польщенный:

- Ты фантазируешь, мой дорогой, ты даже не знаешь, захочется ли мне вообще совершить то таинственное, о чем ты сейчас говоришь. Хотя, впрочем, я все еще не понимаю тебя.

Но студент не уступал. Его голос звучал твердо, уверенно и убежденно.

- Нет, дядюшка, ты это сделаешь, я знаю, что сделаешь. Сделаешь уже потому, что ты единственный человек во всем мире, который может это сделать. Правда, есть еще несколько других ученых, которые производят сейчас те же опыты, что

и ты, которые, быть может, так же далеки, как и ты, а быть может, даже и дальше. Но они все нормальные люди, сухие, деревянные – люди науки. Они бы меня высмеяли, если бы я пришел к ним со своей идеей, назвали бы меня дураком. Или выбросили бы меня за дверь за то, что я осмелился прийти к ним с такими вещами, с такими идеями, которые они называют безнравственными, аморальными и кощунственными. Идеями, которыми опровергаются все законы природы. Но ты не такой, дядюшка, совсем не такой! Ты не будешь надо мной смеяться и не выбросишь за дверь. Тебя это так же заинтересует, как заинтересовало меня. И поэтому-то ты единственный человек, который способен на это.

– Но на что же, на что, черт побери? – воскликнул тайный советник.

Студент поднялся, наполнил до краев оба бокала.

– Чокнемся, старый колдун, – сказал он, – чокнемся, пусть новое молодое вино заструится в твоих старых жилах. Чокнемся, дядюшка, да здравствует твой ребенок! – Он чокнулся с профессором, одним духом опорожнил свой стакан и бросил его вверх. Стакан разбился о потолок, но обратно осколки упали беззвучно на тяжелый, мягкий ковер. Он пододвинул большое кресло. – А теперь, дядюшка, слушай, что я буду тебе говорить. Тебе надоело, может быть, мое длинное вступление, не сердись. Оно помогло мне собрать свои мысли, конкретизировать их, чтобы я мог объяснить тебе все ясно и просто. Я думаю так. Ты должен создать существо Альрауне, должен воплотить в действительность это странное предание. Не все ли равно, что это – суеверие средневековой фантазии или мистическая сказка древности. Ты сумеешь превратить старую ложь в новую истину! Ты создашь ее; она восстанет, ясная в сиянии дня, доступная всему миру, и ни один профессор не сумеет ее отрицать. Слушай же, как ты должен это сделать! Преступника, дядюшка, найти тебе очень легко. По-моему, безразлично, умрет ли он на эшафоте или на кресте. Мы прогрессивные люди. Тюремный двор и наша гильотина гораздо удобнее. Удобнее и для тебя: благодаря твоим связям тебе не трудно найти дорогой материал и вырвать у смерти новую жизнь. А земля? Ведь она лишь символ, она – плодородие. Земля – это женщина, она вскармливает семя, которое повергается в ее чрево, вскармливает его, дает ему возрасти, расцвести и принести плоды. Так возьми же то, что плодородно, как земля, как мать-земля, возьми женщину.

Но земля также и вечная проститутка – она служит всем, она вечная мать, она вечно готовая женщина для бесконечных миллиардов людей. Никому не отказывает она в своем развратном теле: каждому дает, кто хочет овладеть ею. Все, что имеет жизнь, оплодотворяет ее чрево, оплодотворяет тысячи и десятки тысяч лет. И поэтому, дядюшка, ты должен найти проститутку, должен взять самую бесстыдную, самую наглую из всех, должен взять такую, которая рождена была для разврата. Не такую, которая продает свое тело из нужды, которую кто-нибудь соблазнил. Нет, не такую. Возьми женщину, которая была проституткой еще тогда, когда училась ходить, такую, которой позор ее кажется радостью и для которой в нем только и жизнь. Ее чрево будет такое же, как чрево земли. Ты богат, ты найдешь, наверное найдешь. Ты и сам ведь не школьник в этих вещах, ты можешь дать ей много денег, купить ее для этого опыта. Если она будет действительно подходящей, она будет покатываться со смеху, прижмет тебя к своей жирной груди и зацелует от радости, ибо ты предложишь то, чего не предлагал ей ни один человек до тебя!

Что нужно делать потом, ты знаешь лучше меня. Тебе удастся сделать с человеком то же самое, что ты делаешь с обезьянами и морскими свинками. Нужно быть только готовым уловить тот момент, когда голова преступника, изрыгая проклятия, отделится от туловища.

Он вскочил, облокотился на стол и пристально, пронизывающе посмотрел на старика. Тайный советник поймал его взгляд и быстро отпарировал его. Все равно как грузная, кривая, турецкая сабля, скрещивающаяся с ловким флореттом.

– Ну, а потом, племянник? – сказал он. – Что потом? Когда ребенок родится на свет? Что будет тогда?

Студент задумался. Потом ответил медленно, точно отчеканивая каждое слово:

– Тогда у нас будет волшебное существо.

Его голос звучал тихо, но звучно и протяжно, точно звуки скрипки.

– Мы увидим тогда, сколько правды в этом древнем предании. Сможем заглянуть тогда в глубочайшие тайники природы.

Тайный советник открыл было рот, но Франк Браун прервал его, не дав говорить:

– Тогда мы увидим, есть ли действительно что-нибудь, что сильнее всех известных нам законов. Мы увидим, стоит ли жить этой жизнью – стоит ли нам ею жить.

– Стоит ли нам? – повторил профессор. Франк Браун ответил:

– Да, дядюшка, нам! Нам, тебе, мне и тем нескольким сотням людей, которые стоят над жизнью. И которые все же принуждены идти по дороге, которой идет огромное стадо. – Он вдруг резко спросил: – Дядюшка, ты веришь в Бога?

Тайный советник нестерпимо передернул губами.

– Верю ли я в Бога? При чем это здесь?

Но племянник настаивал на ответе, не давая ему времени даже подумать:

– Отвечай же мне, дядюшка, отвечай: веришь ли ты в Бога?

Он нагнулся к старику и не сводил с него глаз.

Тайный советник ответил:

– Какое тебе дело до этого? Своим разумом – после всего того, что я изучил и открыл – я, безусловно, в Бога не верю. Разве только чувством – но ведь чувство это нечто совершенно не поддающееся контролю, нечто...

– Да, да, дядюшка, – перебил его студент, – так чувством значит все-таки...

Но профессор все еще не сдавался и беспокойно ерзал в кресле.

– Ну, если уж говорить откровенно, то иногда, правда редко, через большие промежутки...

Франк Браун вскричал:

– Ты веришь, несомненно веришь в Бога! О, это я знал. Все Бринкены, все веруют, все вплоть до тебя. – Он поднял голову, раскрыл губы и показал ряд блестящих зубов. И продолжал опять, подчеркивая каждое слово: – Тогда ты сделаешь это, дядюшка. Тогда ты должен это сделать. Ничто не спасет тебя, ибо тебе дано нечто, что дается одному из миллиона людей. – Он замолк и зашагал крупными шагами по большому залу. Потом взял свою шляпу и подошел к старику. – Спокойной ночи, дядюшка, – сказал он, – так ты это сделаешь?

Он протянул ему руку.

Но старик не заметил руки. Он тупо смотрел в пространство и о чем-то напряженно думал.

– Не знаю, не знаю, – ответил он наконец.

Франк Браун взял со стола человечка и протянул старику. Его голос звучал иронически и высокомерно:

– Вот – посоветуйся с ним! – Но потом, через мгновение, его тон сразу упал. Он тихо добавил: – Я знаю, ты это сделаешь.

Он быстро направился к двери. Еще раз остановился. Обернулся и снова вернулся назад.

– Еще одно, дядюшка! Если ты это сделаешь...

Но тайный советник прервал его:

– Не знаю, сделаю ли!

– Хорошо, – ответил студент, – я ведь больше не спрашиваю об этом. Только в случае, если ты это сделаешь, ты должен мне кое-что обещать.

– Что именно? – спросил профессор.

Он ответил:

- Не приглашай княгиню в качестве зрительницы.

- Почему? - спросил тайный советник.

И Франк Браун ответил мягко, но серьезно и строго:

- Потому что... потому что дело это слишком серьезное.

Он ушел.

Он вышел из дому и пошел к воротам, лакей отворил ему их и, громыхая замком, запер за ним. Франк Браун вышел на дорогу. Остановился перед изображением святого и пытливым взглядом посмотрел на него.

- О, дорогой мой святой, - сказал он. - Тебе приносят цветы, льют свежее масло в лампаду. Но не этот дом заботится о тебе. Здесь тебя ценят разве только как археологическую древность. Хорошо еще, что народ чтит твою силу.

Ах, милый святой, тебе легко охранять деревню от наводнения, раз она в трех четвертях часа от Рейна. И особенно теперь, когда Рейн так успокоился и струится меж каменных стен. Но попробуй же, старый Непомук, охранить этот дом от потока, который нахлынет на него и разрушит его! Я люблю тебя, милый святой, потому что ты покровитель моей матери. Ее зовут Иоганной Непомуценой, у нее есть еще имя - Губертина, в знак того, чтобы ее никогда не могла искушать бешеная собака. Ты помнишь еще, как родилась она в этом доме в день, посвященный тебе? Поэтому-то она и носит твое имя: Иоганна Непомуцена! И потому, что я люблю тебя, милый святой, и ради нее я хочу тебя предостеречь.

Там внутри сегодня ночью поселится святой - в сущности говоря, полная противоположность святому. Маленький человечек не из камня, как ты, и не одетый красиво в длинную мантию, он деревянный и совершенно голый. Но он так же стар, как и ты, еще, может быть, старше. Говорят, он обладает чудодейственной силой. Так попробуй же, святой Непомук, покажи свою силу! Кто-нибудь из вас обоих должен пасть, ты или тот человечек: пусть же решится, кто из вас будет господином над домом тен Бринкенов. Покажи же, милый

святой, на что ты способен.

Франк Браун снял шляпу и перекрестился. Потом тихо, сухо рассмеялся и быстро зашагал по дороге. Вышел в поле и полной грудью стал вдыхать в себя свежий ночной воздух. Дойдя до города, он пошел по улицам под цветущими каштанами и здесь замедлил свой шаг.

Он шел задумавшись, слегка напевая про себя.

Но вдруг остановился. С минуту поколебался. Потом повернулся. Быстро повернул налево. Опять остановился и оглянулся по сторонам. Потом быстро взобрался на низкую стену и спрыгнул с нее по ту сторону. Побежал по тихому саду по направлению к большой красной вилле. Там остановился и взглянул вверх. Его резкий короткий свист прорезал ночную тишину, два-три раза, быстро, один за другим.

Где-то залаяла собака. Но вверху тихо распахнулось окошко, и в белом ночном одеянии показалась белокурая женщина.

Ее голос прошептал в темноте:

- Это ты?

Он ответил:

- Да! да!

Она скользнула в комнату, но тотчас же снова вернулась. Взяла носовой платок, что-то завернула в него и бросила вниз.

- Вот, дорогой мой, тебе ключ! Но будь потише, как можно потише, чтобы не проснулись родители!

Франк Браун взял ключ и поднялся по маленькой мраморной лестнице, открыл дверь и вошел в комнату.

Глава IV,

которая рассказывает, как нашли они мать Альрауне

Франк Браун сидел на гауптвахте. Наверху, в Эренбрейтштейне. Сидел уже около двух месяцев и должен был сидеть еще три. Все лето. И все лишь за то, что он пробил пулей отверстие в воздухе, так же как и противник его.

Он сидел наверху у колодца, с которого открывался вид на Рейн. Он болтал ногами, смотрел вдаль и зевал. То же самое делали и трое его товарищей, сидевших вместе с ним. Никто из них не говорил ни слова.

На них были желтые куртки, купленные ими у солдат. Денщики намалевали на их спинах огромные черные цифры, означавшие номера их камер. Тут сидели сейчас второй, четырнадцатый и шестой. У Франка Брауна был № 7.

На скалу к колодцу поднялась группа иностранцев, англичан и англичанок, в сопровождении сержанта гауптвахты. Он показал им несчастных арестантов с огромными цифрами, которые сидели с таким печальным видом. В них зашевелилось чувство жалости, и с ахами и охами они стали расспрашивать сержанта, нельзя ли дать что-нибудь этим несчастным. Это строго запрещено. Но в своем великодушии он повернулся и стал показывать туристам окрестности. Вот Кобленец, сказал он, а позади него Нейштадт. А там внизу у Рейна...

Между тем подошли дамы. Несчастные арестанты заложили руки за спину, держа их как раз под номерами. В протянутые ладони посыпались тотчас же золотые монеты, папиросы и табак. Нередко попадались и визитные карточки с адресами.

Игру эту выдумал Франк Браун и к общему удовольствию ввел ее здесь.

- В сущности, это довольно-таки унижительно, - заметил № 14.

Это был ротмистр Флехтгейм.

– Ты идиот, – ответил Франк Браун, – унизительно только то, что мы считаем себя такими аристократами, что отдаем все унтер-офицерам и ничего не оставляем себе. Если бы хоть по крайней мере эти проклятые английские папиросы не так пахли духами. – Он просмотрел добычу. – Ага! Опять соверен. Сержант будет рад. Бог мой, мне бы и самому он пригодился!

– Сколько ты вчера проиграл? – спросил № 3.

Франк Браун засмеялся.

– Ах, всю свою вчерашнюю получку. И еще вдобавок подписал векселей на несколько сотен. Черт бы побрал эту игру!

Номер 6 был юным поручиком, почти мальчиком, кровь с молоком. Он вздохнул глубоко:

– Я тоже продулся.

– Ну, а по-твоему, мы не проигрались? – огрызнулся на него № 14. – И только подумать, что эти трое бродяг кутят теперь на наши деньги в Париже. Сколько, по-твоему, они там пробудут?

Доктор Клаверьян, морской врач, арестант № 2, заметил:

– По-моему, дня три. Дальше они не смогут остаться, а то отсутствие их будет замечено. Да и на более долгое время у них не хватило бы денег.

Те трое были № 4, № 5 и № 12. В последнюю ночь они много выиграли и тотчас же утром спустились вниз, стараясь не опоздать к парижскому поезду. Они отправились немного развлечься, как это называлось в крепости.

– Что же предпримем мы сегодня? – спросил № 14.

– Напряги хоть раз сам свой пустой мозг, – сказал Франк Браун ротмистру.

Он спрыгнул со стены и пошел через казарменный двор в офицерский сад. Он был в дурном настроении и громко что-то насвистывал.

Не из-за проигрыша, он проигрывал уже не в первый раз и это его мало трогало. Но это жалкое пребывание здесь, это невыносимое безделье!

Правда, крепостные правила были довольно свободны, и среди них, во всяком случае, не было ни одного, которое бы оскорбляло хоть как-нибудь господ арестантов. У них было здесь свое собственное собрание, в котором стояли рояль и большая фисгармония: они получали десятка два газет. У каждого был свой денщик. Камеры были просторные, чуть ли не залы; за них они платили государству по пфеннигу в день. Обеды они брали из лучшей гостиницы города и держали обильный винный погреб. Было только одно неудобство: нельзя было запирать своей камеры изнутри. Это был единственный пункт, к которому комендант крепости относился невероятно строго. С тех пор как в крепости произошло самоубийство, каждая попытка приделать изнутри камеры задвижку или крючок подавлялась немедленно.

«Что за дураки все они! – подумал Франк Браун. – Точно не может человек покончить с собою без всяких засовов!»

Это неудобство мучило его все время, отравляло ему всю радость существования. Побывать в крепости одному было совершенно невыносимо. Он привязывал дверь веревками и цепочками, ставил перед нею кровать и другую мебель, но ничего не помогало: после продолжительной борьбы все разрушалось и разбивалось вдребезги и товарищи торжествующе врывались в его камеру.

О, эти товарищи! Каждый из них был превосходнейшим и симпатичнейшим малым. С каждым из них можно было без скуки поболтать наедине полчаса. Но вместе они были невыносимы, они ели, пили, играли по целым дням и ночам в карты. А кое-когда принимали у себя женщин, которых приводили им услужливые денщики. Или предпринимали продолжительные экскурсии, вот и все их героические подвиги!

Ни о чем другом они никогда и не говорили.

Те, что сидели в крепости дольше других, были еще хуже. Они совсем погибали в этом бесконечном безделье. Доктор Бюрмеллер, застреливший своего шурина и сидевший здесь уже целых два года, и его сосед драгунский лейтенант граф фон Валендар, на полгода больше наслаждавшийся прекрасным воздухом крепости. А те, что поступали сюда вновь, уже через неделю уподоблялись

другим. Кто был самым грубым и необузданным, тот пользовался наибольшим почетом. Почетом пользовался и Франк Браун. На второй же день своего пребывания он запер рояль, потому что не захотел больше слушать несносной «Весенней песни» ротмистра. Забрал ключ к себе и бросил потом с крепостного вала. Он привез сюда и свои ящики с пистолетами и часто подолгу стрелял. Что же касается выпивки и ругательств, то он мог соперничать с кем угодно.

А ведь он, собственно, радовался этим летним месяцам в крепости. Он привез с собой целый ворох книг, новые перья и массу бумаги. Он думал, что сумеет здесь работать. Радовался заранее вынужденному одиночеству.

Но за все время он не раскрыл ни одной книги, не написал даже ни одного письма. Он сразу втянулся в этот дикий, ребяческий хаос, который, однако, был противен ему, но из которого он не мог ни за что вырваться; он ненавидел своих товарищей, каждого из них в отдельности...

В саду появился вдруг его денщик и откозырял:

– Господин доктор, письмо.

Письмо в воскресенье? Он взял его из рук солдата. Письмо это было адресовано ему домой и оттуда прислано сюда. Он узнал тонкий почерк своего дяди. От него? Что ему вдруг понадобилось? Он помахал письмом в воздухе; ах, ему захотелось отправить его обратно. Что ему за дело до этого старого профессора?!

Да, это было последнее, что он от него видел с тех пор, как приехал с ним вместе в Лендених после того торжества у Гонтрамов. С тех пор, как он старался убедить его создать Альрауне, с тех пор прошло больше двух лет.

О, как давно это уже было!

Он перешел в другой университет, сдал все экзамены. А теперь сидел в этой лотарингской дыре в качестве референдария. Работал ли он? Нет, он продолжал ту жизнь, которую вел студентом. Его любили женщины и все те, которым нравилась свободная жизнь и дикие нравы. Начальство относилось к нему неодобрительно. Правда, он работал кое-когда, но работу его начальство всегда называло ерундой.

Как только появлялась возможность, он уезжал, отправлялся в Париж. Был больше у себя дома на Butte Sacree, чем в суде. Но, в сущности, он не знал, чем все это кончится.

Несомненно только одно: никогда не выйдет из него юриста, ни адвоката, ни судьи, ни даже чиновника. Но что же ему предпринять? Он жил изо дня в день, делал все новые и новые долги...

Он все еще держал в руках письмо; хотел раскрыть его, но в то же время его тянуло что-то вернуть его нераспечатанным. Это был бы известного рода ответ, хотя и запоздалый, на другое письмо, которое написал ему дядя два года назад.

Это было вскоре после той ночи. С пятью другими студентами он в полночь проезжал через деревню, возвращаясь с пикника. Вдруг ему пришла в голову мысль пригласить их в дом тен Бринкена.

Они оторвали звонок, громко кричали и неистово ломались в железные ворота. Поднялся такой адский шум, что сбежалась вся деревня. Тайный советник был в отъезде, но лакей впустил их по приказанию племянника. Они отвели лошадей в конюшню. Франк Браун велел разбудить прислугу, приготовить ужин и сам отправился за винами в дядюшкин погреб. Они пировали, пили и пели, буйствовали в доме и в саду, шумели и ломали все, что только попадалось им под руку. Только рано утром уехали они с тем же криком и шумом, повиснув на своих лошадях, точно дикие ковбои, а некоторые как мешки с мукою.

– Молодые люди вели себя, точно свиньи, – доложил Алоиз тайному советнику. Тем не менее не это рассердило профессора, он ни слова не сказал бы про это. Но на буфете лежали редкие яблоки, свежие груши и персики из его оранжереи. Редкие плоды, возвращенные с невероятными трудностями. Первые плоды новых деревьев. Они лежали там в вате на золотых тарелках и созревали. Но студенты не сочли нужным считаться со стараниями профессора и беспощадно набросились на добычу. Они откусывали по кусочку, но, убедившись, что они еще не спели, кидали их на пол.

Профессор написал племяннику недовольное письмо и просил его не переступать больше порога его дома.

Франк Браун был глубоко оскорблен этим письмом, проступок его казался ему пустой безделицей. Ах, если бы письмо, которое он сейчас держал в руках, пришло туда, куда оно было адресовано, в Мец или даже на Монмартр, он, ни минуты не колеблясь, отослал бы его обратно нераспечатанным.

Но здесь, здесь, в этой невыносимой скуке?

Он решился.

– Во всяком случае, хоть какое-нибудь развлечение, – повторил он и распечатал письмо.

Дядя сообщал ему, что по зрелом размышлении он решил последовать совету, данному ему племянником. У него имеется уже подходящий объект для отца: прошение о пересмотре дела убийцы Нерризенна оставлено без последствий, и нужно думать, что и прошение о помиловании будет также отклонено. Он ищет теперь только мать. Он делал уже несколько попыток в этом направлении, но они не привели ни к каким результатам. По-видимому, не так-то легко найти что-нибудь подходящее. Но время не ждет, и он спрашивает племянника, не хочет ли тот помочь ему в этом деле.

Франк Браун повернулся к денщику.

– Что, почтальон еще здесь? – спросил он.

– Точно так, господин доктор, – ответил солдат.

– Скажи ему, чтобы подождал. Вот дай ему на чай. – Он пошарил в кармане и наконец нашел монету. С письмом в руках он быстро пошел по направлению к крепости.

Но едва он достиг казарменного двора, как увидел жену фельдфебеля, а позади нее телеграфиста.

– Для вас телеграмма, – сказала она.

Телеграмма была от доктора Петерсена, ассистента тайного советника. Она гласила:

«Его превосходительство сейчас Берлине, гостинице «Рим». Ждем немедленного ответа, можете ли приехать».

Его превосходительство? Так, значит, дядюшка стал превосходительством! Поэтому-то, наверное, он и в Берлине. Берлин – ах, это жалко, лучше бы он поехал в Париж, там он, наверное, легче бы нашел что-нибудь и во всяком случае более подходящее, нежели здесь...

Но безразлично, Берлин так Берлин. По крайней мере, это хоть какая-нибудь перемена. Он задумался на минуту. Он должен уехать, уехать сегодня же вечером. Но у него нет ни гроша. У товарищей тоже.

Он посмотрел на жену фельдфебеля.

– Послушайте, – начал он, но вовремя удержался. – Дайте ему на чай и запишите на мой счет.

Он отправился в свою комнату, запаковал чемодан и велел денщику отнести его тотчас же на вокзал и ждать его там. Потом сошел вниз.

В дверях стоял фельдфебель, смотритель тюрьмы. Он ломал себе руки и, по-видимому, был страшно взволнован.

– Вы тоже хотите уехать, господин доктор? – жалобно спросил он. – А тех трех господ еще нет, они в Париже, за границей! Господи, чем все это только кончится? Я попадусь, ведь я один, на мне вся ответственность.

– Ну, не так уж страшно, – ответил Франк Браун, – я уезжаю всего на два дня. Тогда, наверное, уже вернутся и те.

Фельдфебель начал опять:

– Да ведь я не из-за себя только. Мне все равно. Но другие все завидуют мне. А сегодня как раз будет дежурить сержант Беккер. Он...

– Он будет молчать, – возразил Франк Браун, – он только что получил от нас больше тридцати марок – милосердное подаяние англичан. Впрочем, я зайду в Кобленце в комендантское управление и возьму отпуск. Ну, вы довольны?

Но смотритель вовсе не был доволен:

– Как? В управление? Помилуйте, господин доктор! Ведь у вас нет пропуска в город. А вы еще хотите в комендантское управление!

Франк Браун рассмеялся:

– Именно туда-то я и пойду. Я хочу признаться деньжонок у коменданта.

Фельдфебель не произнес ни одного слова, стоял неподвижно, точно окаменев, с широко раскрытым ртом.

– Дай-ка мне десять пфеннигов, – крикнул Франк Браун своему денщику, – мне надо заплатить у моста!

Он взял монету и быстрыми шагами пошел к двери. Оттуда в офицерский сад, перелез через стенку, нащупал на другой стороне сук огромного дуба и спустился по его стволу. Потом пробрался к реке.

Через двадцать минут он был уже внизу. По этой дороге они обыкновенно прокрадывались во время своих ночных прогулок.

Он дошел вдоль Рейна до моста, а потом направился в Кобленц. Явился в комендантское управление, узнал, где квартира генерала, и поспешил туда. Послал свою визитную карточку и велел сказать, что он пришел по крайне важному делу.

– Чем могу вам служить?

Франк Браун сказал:

– Простите, ваше превосходительство, я арестован, с гауптвахты.

Старый генерал недовольно посмотрел на него, видимо, рассерженный неожиданным ответом.

– Что вам угодно? Да и как вы пришли в город? Есть у вас пропуск?

– Есть, ваше превосходительство, – ответил Франк Браун. – Пропуск в церковь.

Он лгал, но знал хорошо, что генералу нужен только какой-нибудь ответ.

– Я пришел просить ваше превосходительство дать мне отпуск на три дня в Берлин. Мой дядя умирает.

Комендант вспыхнул:

– Какое мне дело до вашего дяди? Нет, невозможно! Вы сидите там наверху не для своего удовольствия, а потому, что вы нарушили законы государства: понимаете? Всякий может прийти и сказать, что у него умирает дядя или тетка. Если бы это по крайней мере были родители, я еще понимаю! Я принципиально отказываю вам в отпуске!

– Покорно благодарю, ваше превосходительство, – ответил Франк Браун. – Я тогда немедленно телеграфирую своему дяде, его превосходительству действительному тайному советнику профессору тен Бринкену, что его единственному племяннику не разрешают приехать к нему, чтобы закрыть его усталые глаза.

Он поклонился и направился к двери. Но генерал удержал его. Франк Браун этого ждал.

– Кто ваш дядя? – спросил генерал, колеблясь в нерешительности.

Франк Браун повторил имя и громкий титул, вынул из кармана телеграмму и протянул ее коменданту:

– Мой бедный дядюшка приехал в Берлин делать операцию, но она, к несчастью, прошла неудачно.

– Гм! – заметил комендант, – поезжайте же, молодой человек, поезжайте скорей. Быть может, его еще удастся спасти.

Франк Браун состроил плачевную мину и сказал:

– Все зависит от Бога. Если моя молитва дойдет до Него. – Он подавил глубокий вздох и продолжал: – Благодарю вас, ваше превосходительство. Но у меня есть еще одна просьба.

Комендант вернул ему телеграмму.

– В чем дело? – спросил он.

Франк Браун решился сказать прямо:

– У меня нет денег на дорогу. Я хочу просить ваше превосходительство одолжить мне триста марок.

Генерал недоверчиво посмотрел на него:

– Нет денег, гм, так, так, нет денег? Но ведь вчера было первое! Разве вы не получили?

– Нет, получил, ваше превосходительство, – ответил Браун поспешно. – Но ночью все проиграл.

Старый комендант рассмеялся:

– Так вам и нужно, злодей. Так, значит, вы хотите триста марок?

– Да, ваше превосходительство. Мой дядюшка будет, конечно, очень обрадован, если я передам ему, что ваше превосходительство помогли мне выйти из этого затруднительного положения.

Генерал повернулся, подошел к несгораемому шкафу, открыл его и вынул три кредитных билета, подал Брауну перо и бумагу и заставил его написать

расписку; потом дал ему деньги. Тот взял их, слегка поклонился.

– Крайне обязан, ваше превосходительство!

– Не стоит благодарности, – ответил комендант. – Поезжайте и возвращайтесь вовремя. И кроме того, передайте от меня сердечный привет его превосходительству.

Еще раз:

– Крайне обязан, ваше превосходительство.

Потом последний поклон – и Франк Браун вышел из комнаты. Одним взмахом перескочил он шесть ступеней лестницы и еле удержался, чтобы не испустить радостный крик.

Ну, пока все благополучно.

Он подозвал экипаж и поехал на вокзал в Эренбрейтшейн. Посмотрел там расписание и увидел, что ему еще ждать около трех часов. Он подозвал денщика, ожидавшего его с чемоданом, велел ему скорее сбегать наверх и позвать в «Красный петух» поручика фон Плессена.

– Но смотри только не спутай, – добавил он. – Того молодого господина, который приехал недавно, у него на спине № 6. Подожди-ка! Твои десять пфеннигов принесли уже проценты. – Он кинул ему десятимарковую монету.

Он отправился в ресторан, долго обдумывал меню и заказал наконец изысканный ужин. Сел у окна и стал смотреть на бесконечную толпу обывателей, гулявших по берегу Рейна.

Наконец появился поручик.

– Ну, в чем дело?

– Садись, – ответил Франк Браун. – Но молчи и не спрашивай, ешь, пей и будь доволен. – Он дал ему стомарковый билет. – Вот, заплатишь за ужин. А сдачу

возьми себе и скажи там, наверху, что я уехал в Берлин – получил отпуск. Но, по всей вероятности, я опоздаю и приеду не раньше конца недели.

Белобрысый поручик посмотрел на него с почтительным удивлением.

– Скажи, пожалуйста, как тебе удалось это устроить?

– Это тайна, – ответил Франк Браун, – но все равно, вы бы ею не сумели воспользоваться, если бы я даже вам все рассказал. Еще раз его превосходительство надуть не удастся. Твое здоровье!

Поручик проводил его на вокзал, помог ему внести чемодан и долго еще махал ему шляпой и носовым платком. Франк Браун отошел от окна и забыл в ту же минуту и маленького поручика, и всех своих товарищей, и всю крепость. Он разговорился с кондуктором и расположился в купе. Потом закрыл глаза и заснул.

Кондуктору пришлось его долго расталкивать, пока он не проснулся.

– Сейчас вокзал Фридрихштрассе.

Он собрал свои вещи, вышел из вагона и поехал в отель. Велел дать себе комнату, принял ванну, переоделся. И сошел вниз в ресторан.

В дверях его встретил доктор Петерсен.

– Ах, это вы, господин доктор, – воскликнул он. – Как обрадуется его превосходительство.

Его превосходительство! Опять его превосходительство. Это слово резало ему ухо.

– Как поживает дядюшка? – спросил он. – Ему лучше?

– Его превосходительство вовсе не болен.

– Ах, вот как, – заметил Франк Браун. – Всего не болен?! Жаль, я думал, что дядюшка умирает.

Доктор Петерсен посмотрел на него с изумлением:

– Я вас не понимаю...

Но Браун перебил его:

– Совсем и не нужно. Мне только жаль, что профессор не на смертном одре. Это было бы очень мило. Я бы похоронил его тут. Конечно, при том условии, если бы он не лишил меня наследства. Хотя это очень возможно и даже вполне вероятно. – Он увидел недоумевающее лицо врача и наслаждался вдоволь его смущением. Потом продолжал: – Но скажите, доктор, с каких пор мой дядюшка стал его превосходительством?

– Уже четыре дня, по случаю...

Он перебил его:

– Уже четыре дня? А сколько лет вы у него в качестве – в качестве... правой руки?

– Десять лет, – ответил доктор Петерсен.

– Целых десять лет вы его называли тайным советником, а теперь в четыре дня он уже настолько успел стать его превосходительством, что вы не можете его себе иначе представить?

– Простите, господин доктор, – возразил ассистент смущенно и робко, – что вы, собственно, хотите этим сказать?

Но Франк Браун взял его под руку и повел к столу.

– О, я хочу только сказать, что вы вполне светский человек. Вы любите всякие условности, у вас врожденный инстинкт к изысканной светскости. Вот что хотел я этим сказать. А теперь, доктор, давайте позавтракаем и вы мне расскажете,

что вам удалось уже сделать.

Вполне удовлетворенный доктор Петерсен сел. Он уже примирился со странным тоном молодого человека. Ведь этот юный референдарий, которого он знал еще мальчиком, такой ветрогон, сорвиголова. И к тому же он все-таки племянник его превосходительства.

Ассистенту было тридцать шесть лет; он был среднего роста. Франку Брауну казалось, что все «средне» в этом человеке: не велик и не мал был его нос, не уродливо, но и не красиво его лицо. Он был уже не молод, но и не стар, волосы не совсем темные, но и не совсем еще седые. Сам он был не глуп, но и не умен, не особенно скучен, но и не особенно интересен. Одет не элегантно, но и не так уж плохо. Во всем воплощал он золотую середину; он был именно таким человеком, какой нужен был тайному советнику. Хороший работник, достаточно умный, чтобы все понимать и все делать, что от него требовали, и при этом не настолько интеллигентный, чтобы выходить из отведенных ему рамок и проникать в суть той запутанной игры, которую вел его патрон.

– Сколько вы получаете у дядюшки? – спросил его Франк Браун.

– Не очень-то много, но во всяком случае достаточно, – слышалось в ответ. – Я очень доволен. К новому году я получил опять четыреста марок прибавки. – Он заметил к своему удивлению, что Франк Браун начал завтрак с десерта: съел яблоко и тарелку вишен.

– Какие вы курите сигары? – продолжал допытываться референдарий.

– Какие сигары? Средние, не слишком крепкие. – Он перебил себя. – Но почему вы об этом спрашиваете?

– Так, – ответил референдарий, – мне только интересно, но расскажите же, что вы, собственно, успели уже подготовить в нашем делу. Доверил ли вам профессор свой план?

– Конечно, – с гордостью сказал доктор Петерсен, – я единственный человек, который знает об этом, кроме вас, разумеется. Опыт этот имеет огромное научное значение.

Франк Браун закашлялся.

– Гм, вы думаете?

– Безусловно, – ответил врач. – Прямо-таки гениально, как его превосходительство все так устроил, что подавил всякую возможность каких-либо нападок. Вы ведь знаете, как нужно остерегаться, как вообще на нас, врачей, всегда нападает публика за различные опыты, безусловно для нас необходимые. Вот, например, вивисекция. Господи, люди буквально не переносят этого слова. Все наши эксперименты с болезненными возбудителями, прививками и так далее служат сучком в глазу для всей нашей прессы. Тогда как мы производим их почти исключительно на животных. Что же было бы теперь, когда вопрос идет об искусственном оплодотворении, и тем более человека? Его превосходительство нашел единственную возможность: он берет приговоренного к смерти преступника и проститутку, которым за это дает вознаграждение. Но посудите же сами: за такой материал не вступится самый гуманный пастор.

– Действительно гениально, – подтвердил Франк Браун. – Вы совершенно правы, преклоняясь перед изобретательностью вашего патрона.

Доктор Петерсен рассказал, что его превосходительство с его помощью производил в Кельне различные попытки найти подходящую женщину, но все они были безуспешны. Оказалось, что в тех слоях населения, из которых обычно выходят эти существа, господствуют совершенно своеобразные понятия об искусственном оплодотворении. Обоим им не удалось объяснить толком женщинам сущность дела, не говоря уже о том, чтобы побудить какую-либо из них заключить договор. А между тем его превосходительство пускал в ход все свое красноречие, доказывая им самым очевидным образом, что, во-первых, в этом нет ни малейшей опасности, во-вторых, что они могут заработать хорошие деньги и что, наконец, в-третьих, могут оказать огромную услугу медицине.

– Одна закричала даже во все горло: на всю науку ей... она употребила очень некрасивое выражение.

– Фу! – заметил Франк Браун, – как она только могла!

– Но тут как раз подвернулся удобный случай, что его превосходительство должен был поехать в Берлин на интернациональный гинекологический конгресс. Здесь, в столице, представится несомненно гораздо более богатый выбор: кроме того, нужно полагать, что и понятия здесь не такие отсталые, как в провинции. Даже в этих кругах здесь, наверное, не такой суеверный страх перед всем новым и, наверное, больше практического понимания материальных выгод и больше идеального интереса к науке.

– Особенно последнего, – подчеркнул Франк Браун.

Доктор Петерсен согласился с ним. Положительно невероятно, с какими устарелыми воззрениями пришлось им столкнуться в Кельне. Любая морская свинка, любая обезьяна бесконечно разумнее и понятливее, чем все эти женщины. Он совершенно отчаялся в высоком интеллекте человека. Но он надеется: его непоколебленная вера снова укрепитя здесь.

– Без всякого сомнения, – подтвердил Франк Браун. – Действительно, было бы величайшим позором, если бы берлинские проститутки спасовали перед обезьянами и морскими свинками. Скажите, когда придет дядюшка? Он уже встал?

– Давно уже, – любезно ответил ассистент. – Его превосходительство уже вышел – у него в десять часов аудиенция в министерстве.

– Ну а потом? – спросил Франк Браун.

– Я не знаю, сколько он там пробудет, – ответил доктор Петерсен. – Во всяком случае, его превосходительство просил меня ждать его в два часа на заседании конгресса. В пять часов у него опять важное свидание здесь, в отеле, с несколькими берлинскими коллегами. А в семь часов его превосходительство будет обедать у ректора. Быть может, вы в этот промежуток его повидаете...

Франк Браун задумался. В сущности, ему было очень приятно, что его дядюшка был занят весь день: ему не нужно было и думать о нем.

– Будьте добры передать дядюшке, – сказал он, – что мы встретимся с ним в одиннадцать часов вечера здесь внизу, в отеле.

– В одиннадцать? – Ассистент сделал очень озабоченное лицо. – Не слишком ли поздно? Его превосходительство ложится уже в это время спать. И особенно после такого утомительного дня!

– Его превосходительству придется лечь сегодня немного позднее. Будьте добры передать ему это, – категорически заявил Франк Браун. – Одиннадцать часов совсем не поздно для наших целей, скорее даже немного рано. Назначим же лучше в двенадцать. Если бедный мой дядюшка слишком устанет, он может до тех пор немного поспать. А теперь, доктор, будьте здоровы, до вечера. – Он встал, поклонился и вышел.

Он закусил губу и почувствовал вдруг, как глупо было все то, что он тут болтал добродушному доктору. Как мелочна была его ирония, как дешево все его остроты. Ему стало стыдно. Все нервы его требовали какого-нибудь дела, а он болтал чепуху; его мозг излучал искры, а он делал потуги на остроумие.

Доктор Петерсен долго смотрел ему вслед.

– Какой он заносчивый, – сказал он сам себе. – Даже руки мне не подал. – Он налил себе еще кофе, подбавил молока и намазал аккуратно бутерброд. А потом подумал с искренним убеждением: заносчивость к добру не ведет.

И, как нельзя больше удовлетворенный своей обывательской мудростью, он стал есть хлеб и поднес ложку к губам.

Был почти час ночи, когда явился Франк Браун.

– Прости, дядюшка, – сказал он небрежно.

– Да, племянничек, – заметил тайный советник, – ты долго заставляешь себя ждать.

Франк Браун широко раскрыл глаза:

– Я был очень занят, дядюшка. Впрочем, ведь ты тут ждал не из-за меня, а из-за своих собственных планов.

Профессор посмотрел на него недовольно:

– Послушай... – начал он было. Но овладел собою. – Но, впрочем, оставим это. Благодарю тебя во всяком случае, что ты приехал помочь мне. Ну, пойдём.

– Нет, – заявил Франк Браун все с тем же ребяческим упрямством. – Мне хочется выпить сначала стакан виски, у нас ещё времени много.

Доводить все до крайних пределов было в его натуре. Чувствительный к малейшему слову, к малейшему признаку упрека, он все же любил быть упрямым до дерзости со всеми, с кем встречался. Он постоянно говорил самую грубую правду, а сам не мог переносить даже намека на нее.

Он чувствовал, правда, что задевает старика. Но именно тот факт, что дядюшка его рассердился, что он так серьезно и даже трагически относится к его ребяческим выходкам, – это именно и оскорбляло его. Ему казалось чуть ли не унижительным, что профессор не понимает его, что не может проникнуть в его белокурую упрямую голову, и он невольно должен был с этим бороться, должен был доводить до конца свои капризы. Ему пришлось еще плотнее надвинуть на себя маску и идти по тому пути, который он обрел на Монмартре: «Epaier les bourgeois!» Он медленно опорожнил стакан и поднялся небрежно, точно меланхоличный принц, которому скучно.

– Ну, если хотите! – Он сделал жест, точно говорил с кем-то, стоящим гораздо ниже его. – Кельнер, прикажите подать экипаж.

Они поехали. Тайный советник молчал; его нижняя губа свешивалась вниз, а на щеках под глазами виднелись большие мешки. Огромные уши выдавались в обе стороны; правый глаз отливал каким-то зеленоватым блеском. «Он похож на сову, – подумал Франк Браун, – на старую уродливую сову, которая ждет добычи».

Доктор Петерсен сидел напротив на скамеечке, широко раскрыв рот. Он не понимал всего этого, этого непозволительного отношения племянника к его превосходительству.

Но молодой человек скоро обрел свое обычное равновесие.

«Ах, к чему сердиться на старого дядюшку? Ведь и у него есть свои хорошие стороны».

Он помог выйти профессору из экипажа.

- Приехали! – воскликнул он. – Пожалуйста.

На большой вывеске, освещенной дугowym фонарем, красовалось «Кафе Штерн». Они вошли, прошли мимо длинных рядов маленьких мраморных столиков, через толпу кричавших и шумевших людей. Найдя наконец свободное место, они уселись.

Здесь был целый базар. Вокруг сидело множество проституток, разряженных в пух и прах, с огромными шляпами, в пестрых шелковых блузках. Исполинские груды мяса, ожидавшие покупателя, точно разложенные во всю ширь, как в окнах мясной.

- Это хорошее заведение? – спросил тайный советник. Племянник покачал головою.

- Нет, дядюшка, далеко нет, мы едва ли даже найдем тут, что нам нужно. Здесь еще все хорошо. Нам придется спуститься пониже.

Позади у рояля сидел человек в засаленном потертом фраке и играл непрерывно один танец за другим. По временам посетители были недовольны его игрой. Пьяные начинали кричать. Но явился директор и заявил, что ничего подобного не должно иметь места в приличном учреждении.

Тут было много приказчиков, несколько мирных обывателей из провинции; они казались самим себе очень передовыми людьми и до крайности безнравственными в своих разговорах с проститутками. А между столами шныряли неаппетитные кельнеры, подавали стаканы и чашки. А иногда и большие графины с водой.

К их столику подошли две женщины, попросили угостить их кофе. Бесцеремонно уселись и заказали.

– Быть может, блондинка, – шепнул доктор Петерсен. Но Франк Браун покачал головой.

– Нет, нет, совсем не то, что нам нужно. Это только мясо. Тогда уж лучше остаться вам с обезьянами.

Он обратил внимание на одну маленькую женщину, сидевшую сзади, поодаль. Она была смуглая, с черными волосами; глаза ее горели огоньками сладострастия. Он встал и знаком отозвал ее в коридор. Она отошла от своего собеседника и подошла к нему.

– Послушай-ка... – начал он.

Но она поспешно ответила:

– Не сегодня, у меня уже есть кавалер. Завтра, если хочешь.

– Брось его, – настаивал он. – Пойдем, возьмем кабинет.

Это было очень заманчиво.

– Завтра, нельзя ли, миленький, завтра? – спросила она. – Я, право, не могу сегодня, это старый клиент, он платит двадцать марок.

Франк Браун взял ее за руку.

– Я заплачу больше, гораздо больше, понимаешь? Ты можешь сделать карьеру! Это не для меня, а для старика, вот видишь там. И дело совсем особенное.

Она замолчала и посмотрела на тайного советника.

– Вот этот? – спросила она разочарованно. – Чего же он хочет?

– Люси! – закричал ее спутник.

– Иду, иду, – ответила она. – Ну, так еще раз – сегодня я не могу. А завтра поговорим, если хочешь. Приходи сюда в это время.

– Глупая женщина, – пробормотал он. Она сказала:

– Не сердись. Он убьет меня, если я с ним не пойду. Он всегда такой, когда напивается. Приходи завтра, слышишь? И оставь старика, приходи один. Тебе не нужно даже платить, если не можешь.

Она оставила его и подбежала к своему старику. Франк Браун видел, как черный господин начал ее упрекать. О, да, она должна остаться верной ему, по крайней мере на эту ночь.

Он медленно пошел по зале, разглядывая женщин. Но не нашел ни одной, которая показалась бы ему более или менее подходящей. Повсюду были еще видны следы буржуазной порядочности, какое-то воспоминание о принадлежности к обществу. Нет, нет, тут не было ни одной, которая освободилась бы от всего, которая дерзко, самоуверенно идет своей дорогой: «Смотрите на меня – я проститутка». Он затруднялся даже определить точно, чего, в сущности, он искал. Он это только чувствовал. Она должна быть такой, думал он, должна принадлежать сюда и никуда больше. Не как все эти, которых привела сюда какая-нибудь слепая случайность. Все эти с тем же успехом могли бы стать порядочными женщинами, работницами, горничными, манекенщицами или даже телефонистками, если бы только ветер жизни подул в другую сторону. Все они были проститутками только потому, что их делала ими грубая животность мужчин.

Нет, нет, та, которую он искал, должна быть проституткой потому, что не может быть никем другим. Потому что кровь ее так уж устроена, потому что каждый кусочек тела ее жаждет постоянно новых объятий, потому что в объятиях одного ее душа уже жаждет поцелуев другого. Она должна быть проституткой так же, как он... Он задумался: кто же он, в сущности?

Утомленно и нехотя он подумал: «Ну, так же, как он – фантазером».

Он повернулся к столу.

– Пойдем, дядюшка, здесь нет ничего!

Тайный советник запротестовал было, но племянник настаивал на своем.

- Пойдем, дядюшка, - повторил он, - я обещал тебе найти, что тебе нужно, и найду.

Они встали, расплатились и пошли по улице по направлению к северу.

- Куда же? - спросил доктор Петерсен.

Франк Браун не ответил, он шагал вперед и рассматривал большие вывески кафе. Наконец остановился.

- Здесь, - сказал он.

В грязном кафе не было даже никакой претензии на внешний лоск. Правда, здесь стояли посредине маленькие белые мраморные столики, по стенам - красные плюшевые диваны. Здесь тоже горели повсюду электрические лампы и тоже шныряли неряшливые кельнеры в засаленных фраках. Но все это производило впечатление, как будто и не хочет быть ничем иным, чем кажется.

Здесь было накурено, душно, но все, что дышало здесь, чувствовало себя, однако, свободно и приятно в этой атмосфере. Не церемонились, держали себя так, как хотели.

За соседним столиком сидели студенты. Пили пиво, перекидывались циничными замечаниями с женщинами. Цинизм их не знал пределов: из уст лился целый поток грязи. Один из них, маленький, толстый, с бесчисленными шрамами на лице, казался неисчерпаемым. А женщины ржали, покатывались со смеху и громко визжали.

Кругом у стен сидели сутенеры и играли в карты или же молча смотрели по сторонам и насвистывали в такт пьяным музыкантам, пили водку. По временам с улицы заходила какая-нибудь проститутка, подходила к одному из них, говорила несколько слов и вновь исчезала.

- Вот тут хорошо, - заметил Франк Браун. Он кивнул кельнеру, заказал вишневую воду и велел ему позвать к столу нескольких женщин.

Подошли четыре. Но только они сели, как он увидел еще одну, выходящую как раз из кафе. Высокая, стройная женщина в белой шелковой блузе; из-под небольшой шляпы выбивались пряди огненно-красных волос. Он быстро вскочил и бросился за нею на улицу.

Она перешла дорогу, небрежно, медленно, слегка покачивая бедрами. Повернула налево, зашла в ворота, над которыми красовался красный транспарант. «Танцевальный зал Северный полюс», – прочел он.

Он последовал за ней по грязному двору и почти одновременно с ней вошел в закопченный зал. Но она не обратила на него ни малейшего внимания, остановилась и посмотрела на пляшущую толпу.

Тут кричали, шумели, высоко поднимали ноги – и мужчины и женщины. Плясали с такой яростью, что подымали целые столбы пыли; кричали в такт музыке. Он стал смотреть на новые танцы – кракетт и ликетт, которые видел в Париже на Монмартре и в Латинском квартале. Но там все было как-то легче, грациознее, веселее и изящнее. А здесь грубо, ни следа того, что Мадинетт называла «flou». Но в бешеной пляске чувствовалась разгоряченная кровь, дикая страсть, наполнившая собою весь низкий зал...

Музыка замолкла, в грязные потные руки стал собирать танцмейстер деньги – с женщин, но не с мужчин. Потом этот герой предместья подал знак оркестру начинать снова.

Но они не хотели рейнлендера. Они кричали что-то капельмейстеру, хотели заставить его прекратить музыку. Но она не замолкала и точно боролась с залом, чувствуя себя в безопасности там, наверху, за балюстрадой.

Они обрушились на танцмейстера. Тот знал своих женщин и мужчин, не испугался их пьяных криков и угрожающе поднятых кулаков. Но он знал все-таки, что уступить не мешает.

– Эмиль! – закричал он наверх. – Играйте Эмиля!

Толстая женщина в огромной шляпе подняла руки и обвила их вокруг пыльного фрака танцмейстера.

– Bravo, Густав, вот это так!

Его оклик тотчас же успокоил недовольную толпу. Они рассмеялись, закричали «браво» и стали похлопывать его снисходительно по плечу.

Начался вальс.

– Альма! – закричал кто-то посреди зала. – Альма, сюда! – Он оставил свою партнершу, подбежал и схватил за руку рыжую проститутку. Это был маленький черный парень с гладко прилизанными на лбу волосами и с блестящими глазами. – Идем же! – крикнул он и крепко обнял ее за талию.

Проститутка начала танцевать. Еще наглее, чем другие, закружилась она в быстром вальсе. Через несколько тактов она совсем оживилась, раскачивала бедрами, опрокидывалась назад и вперед. Выставляя свое тело, соприкасалась коленями с кавалером. Бесстыдно, грубо, чувственно.

Франк Браун услышал подле себя чей-то голос и увидел танцмейстера, который со своего рода восхищением смотрел на танцующую пару.

– Здорово она вертится!

«Она не стесняется», – подумал Франк Браун. Он не спускал с нее глаз. Когда музыка замолкла, он быстро подошел к ней и положил ей на плечо руку.

– Сперва заплати! – закричал ему кавалер.

Он дал ему монету. Проститутка быстро оглядела его с ног до головы.

– Я живу недалеко, – сказала она, – минуты три, не больше...

Он перебил ее:

– Мне безразлично, где ты живешь. Пойдем!

Тем временем в кафе тайный советник угощал женщин. Они пили шерри-бренди и попросили его заплатить за них по старому счету: за пиво, еще за пиво, потом за пирожные и за чашку кофе. Тайный советник заплатил. А затем начал пытаться счастье. Он мог предложить им кое-что интересное; кто из них захочет, пусть скажет. Если же на его выгодное предложение согласятся две или три, или даже четыре, то пусть они кинут жребий.

Худощавая Женни положила руку к нему на плечо.

– Знаешь, старикашка, лучше уж мы сейчас кинем жребий. Это будет умнее. Потому что и я, и они все, – мы согласны на все, что бы ты ни предложил.

А Элли, маленькая блондинка с кукольной головкой, поддержала ее:

– Что сделает моя подруга, то сделаю и я. Нет ничего невозможного! Только бы получить деньжонок. – Она вскочила с места и принесла кости. – Ну, дети, кто хочет кидать жребий?

Но толстая Анна, которую они называли «курицей», запротестовала.

– Мне всегда не везет, – сказала она.

– Быть может, ты заплатишь и другим, тем, что не вытянут?

– Хорошо, – согласился тайный советник, – по пяти марок каждой.

Он выложил на стол три монеты.

– Какой ты хороший! – похвалила его Женни и, чтобы подкрепить свою похвалу, заказала еще шерри-бренди.

Она как раз и выиграла. Взяла три монеты и протянула их подругам:

– Вот вам в утешение, а ты, старикашка, выкладывай; впрочем, я заранее согласна на все!

– Ну, так слушай, голубушка, – начал тайный советник, – речь идет о довольно-таки необычном деле...

– Не стесняйся, лысенький! – перебила его проститутка. – Мы давно уже не девочки, и уж во всяком случае не я, длинная Женни! Разные, конечно, бывают мужчины, но у кого есть опыт, того ничем не удивишь.

– Вы не понимаете меня, милая Женни, – сказал профессор, – я отнюдь не требую от вас ничего особенного, дело идет просто-напросто о чисто научном эксперименте.

– Знаю, знаю! – взвизгнула Женни. – Знаю! Ты доктор, наверное. У меня уже был раз такой, он всегда начинал с науки, это самые большие свиньи! Ну, за твое здоровье, старикашка, я не имею ничего против. Мною ты будешь доволен!

Тайный советник чокнулся с нею.

– Я очень рад, что у тебя нет никаких предрассудков, мы с тобою скоро сойдемся. Короче говоря, дело идет об опыте искусственного оплодотворения.

– О чем? – перебила Женни. – Об искусственном оплодотворении? Какое же тут особое искусство? Ведь это всегда очень просто!

А черная Клара захохотала:

– Мне бы, во всяком случае, было бы приятнее искусственное бесплодие!

Доктор Петерсен пришел на помощь своему патрону.

– Разрешите мне им объяснить?

И когда профессор утвердительно кивнул головой, он прочел им небольшую лекцию об их планах и достигнутых результатах и о возможностях в будущем. Он подчеркнул особенно выразительно, что опыт совершенно безболезнен и что все животные, над которыми до сих пор проводились эти опыты, всегда чувствовали себя превосходно.

– Какие животные? – спросила Женни.

Ассистент ответил:

– Ну, крысы, обезьяны, морские свинки.

Она вскочила.

– Как? Морские свинки! Я, может быть, правда свинья, пожалуй и грязная! Но морской свиньей меня не называл еще никто! А ты, плешивый, хочешь еще обращаться со мной как с морской свиньей? Нет, дорогой мой, на это я не пойду!

Тайный советник попробовал ее успокоить и налил ей еще рюмку.

– Пойми же, дитя мое... – начал он. Но она не дала ему говорить.

– Я понимаю прекрасно! – закричала она. – Чтобы я позволила делать с собою то, что вы делаете с грязными животными! Чтобы вы мне впрыскивали всякую дрянь, а в конце концов сделали бы какую-нибудь вивисекцию? – Она не унималась и вся покраснела от злобы и возмущения. – Или чтобы я родила какое-нибудь чудовище, которое вы стали бы показывать людям за деньги?! Ребенка с двумя головами и крысиным хвостом? Или чтобы он походил на морскую свинью? Я знаю, знаю, откуда они берут этих чудовищ в паноптикуме, вы, наверное, агенты от них?! И чтобы я согласилась на искусственное оплодотворение?! Вот тебе, старая свинья, твое искусственное оплодотворение! – Она вскочила с места, перегнулась через стол и плюнула тайному советнику прямо в лицо. Потом взяла рюмку, спокойно выпила коньяк, быстро повернулась и с гордым видом отошла.

В эту минуту в дверях показался Франк Браун и подал им знак следовать за ним.

– Подите-ка, господин доктор, подите-ка сюда поскорее! – взволнованно крикнул ему доктор Петерсен, помогая в то же время профессору вытереться.

– В чем дело? – спросил референдарий, подойдя к столу.

Профессор искоса посмотрел на него злым, недовольным, как ему показалось, взглядом. Три проститутки стали кричать взапуски, между тем как доктор Петерсен объяснял ему, что без него произошло.

– Что же теперь делать? – заключил он.

Франк Браун пожал плечами.

– Делать? Ничего. Заплатить и уйти, больше ничего. Да к тому же я уже нашел, что нам нужно.

Они вышли на улицу. Перед выходом стояла рыжая девушка, она зонтиком подозвала экипаж. Франк Браун посадил ее и помог сесть профессору и его ассистенту. Потом крикнул кучеру адрес и сел тоже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/evers_gans-geync/al-raune

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)